

Саша Токсик

Стоп. Снято!
ФОТОГРАФ СССР
ТОМ 3

Саша Токсик
Стоп. Снято!
Фотограф СССР. Том 3
Серия «Фотограф СССР», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70074970

Аннотация

Из гламурных двухтысячных в солнечный 1978-й.
Из глянцевого журнала в сельскую районку. Надои... Покосы...
Доски почета... Но хороший фотограф нигде не пропадет.

«Зиночка, хотите сняться в стиле „ню“? Не знаете, что это?!
Садитесь поближе, я сейчас расскажу!»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Саша Токсик

Стоп. Снято!

Фотограф СССР. Том 3

Глава 1

– Алик, ты чего?!

Кажется, моё выражение лица её немного пугает.

– Все нормально, – говорю. – Радуюсь просто... За тебя...

За нас... Сильно радуюсь.

– Ты просто так побледнел, – говорит она, – я подумала, что тебе нехорошо.

– Устал просто, – отнекиваюсь я, – столько впечатлений за день. Всё таки я не совсем здоров пока.

– Может я тогда пойду? – проявляет Лида удивительную тактичность.

А, нет, всё в порядке. Я уж думал, поменялось что-то и Лиходеева и правда заботливой и внимательной стала. А она уже ухватила журнал цепкой лапкой и пятится к двери. Хвастаться.

Понятное дело, ей сейчас от восторга на месте не сидится. Ещё чуть-чуть, и она скроется за дверью, унося с собой пока загадочное, но, судя по всему, крайне неприятное явление.

Иначе с чего под фото чужая фамилия?

Орлович... Орлович... Вертится в голове что-то знакомое, но в голову приходит только фильм «Покровские ворота». И всё же, где-то я эту фамилию слышал. Разобраться бы сейчас со всем не спеша, но для этого нужно не выпускать из палаты Лиду вместе с журналом.

Не пройдёт и часа, как каждая собака в Берёзове будет знать про Лидкин триумф и мой конфуз. Иначе ведь чужую подпись под фото не назовёшь, правда?

В совпадения, и в то, что мою работу с кем-то перепутали, я не верю. Ни в какие журналы я снимки не посылал. Зато именно к нему проявлял нездоровое любопытство товарищ Комаров.

Сажусь на кровати и чувствую, что меня мутит от противной слабости и комок подкатывает к горлу. Как не вовремя я в больнице оказался. Хотя, что сказать. Такие ситуации вообще бывают вовремя?

– Лида, – говорю, – не спеши. Фото на обложке, это, конечно, здорово. Но надо разобраться, может к нему ещё что-то полезное прилагается? Может оно конкурс какой-то выиграло, и нас в столицу пригласят?

Лиходеева топчется у входа, но журавль в небе побеждает синицу в её руках. Она нетерпеливо протягивает мне журнал и усаживается на соседнюю койку.

Объяснение находится на двенадцатой странице. Там статья на целый разворот о всесоюзном конкурсе фотопортре-

тов «Любовь, Комсомол и весна».

Свои работы на него массово присылают мастера со всей необъятной страны. А мою «Комсомолку» поставили на обложку, как одного из конкурсных «фаворитов», наиболее удачно раскрывающего жанр. Или уже не совсем мою, тут уж как поглядеть.

Разглядываю примеры остальных конкурсантов, представленные куда в более скромном формате, у кого на половину, а у кого и на четверть странички и вспоминаю наконец, кто такой Орлович.

Домашний халат, мягкие тапочки, черная шкиперская бородка. Фотограф, которого мне посоветовал товарищ из Белоколодицкого обкома. Большой специалист по широкоугольным объективам и вообще по-всему на свете.

Становится понятно, откуда у него взялись мои фотографии. Вспоминаю свой разговор с Молчановым, когда меня зазывали работать в «районку». Тогда товарищ, с лицом усталого верблюда тоже присутствовал. Мог он отправить снимки знакомому, чтобы тот высказал своё мнение? Скорее всего так и сделал.

Тогда это плагиат, причем наглый, хамский. Орлович послал работу на конкурс, а Комаров забрал у меня плёнки, чтобы я не мог подтвердить своё авторство.

Фото и правда получилось исключительным. Никто из тех, кто его видел, не оставался равнодушным, Подосинкина даже сцену заката, прямо в райкоме партии.

Магия момента. Свет, туман и юная красота Лидки Лиходеевой создали нетленку. Ну и я руку приложил немного.

Не удивительно, что Орлович её заметил. Решил, так сказать, дать дорогу шедевру. Какая разница, под чьим именем? Что это вообще за пошлое мещанское собственничество! Гордился бы, что твою работу видит вся страна.

Почему-то эта тирада озвучилась у меня в голове голосом товарища Комарова. С укоризненными такими интонациями.

– Ну чего там? – спрашивает Лидка.

– Фото твоё в конкурсе участвует, – говорю, ни капли не соврав, – претендует на победу. А мне теперь срочно надо к Молчанову попасть.

– Зачем? – не понимает она такого резкого поворота мысли.

– Как зачем?! – удивляюсь. – Не понятно, разве? Это же для района почет какой! Может нас в Москву с тобой отправят. На награждение.

– Ох, – Лидка прижимает кулачки к груди.

Сочиняю безбожно, потому что Лидка сейчас мой единственный союзник. Мне действительно к Молчанову надо срочно. Не верю я, что он в это дело замешан, не его это масштаб. Это всё равно, что мелочь по карманам тырить, что ли.

Махнуть прямо сейчас через окошко, прямо в больничной пижаме? Меня в таком виде к первому секретарю не пустит никто. Та же секретарша Светлана костыми ляжет на пути

к начальству. Моя одёжка или в больничном хранилище лежит, или у ... в вещдоках. И там и там – всё равно, что на Луне. Да и состояние у меня, как в старом фильме про доктора Айболита: «А если я не дойду... А если в пути упаду...».

– Никому ни слова, – говорю Лидке, – пока вопрос не решится.

Та решительно кивает. В её глазах уже светят маняще Кремлёвские звёзды.

* * *

После вечернего обхода больница затихает. Следующую волну оживления принесёт ужин, но до него еще часа два. Приподнимаю щеколду и даже не выпрыгиваю, а перекидываю непослушное тело через подоконник.

– Аккуратно! – слышится громкий шёпот. – Ничего себе, ты Алик отъелся!

Лиходеева не только не отпрыгивает в сторону, но наоборот принимает на себя удар, смягчая мне падение. И ничего не отъелся, на самом деле. Это мышцы всё, регулярные физические нагрузки и правильное питание.

Больницу окружают кусты сирени, буйные и раскидистые. Весной здесь красиво, наверное. А сейчас они создают необходимый нам интим.

– Принесла?

– Вот держи.

– Отвернись, – зачем-то прошу я.

Стесняюсь, наверное, не вида, а своей неуклюжести.

От каждого резкого движения в голове возникает дурацкая лёгкость, словно она хочет изобразить воздушный шарик и улететь куда то вверх. Так что двигаюсь медленно и косо-боко, как краб.

– Чего я там не видела, – совсем неоригинально заявляет

Лида, – дурак, дай, я тебе помогу.

Джинсы неожиданно оказываются впору, а вот рубашка мала. Чтобы надеть её расстёгиваю почти до пупка, отчего становлюсь похож то ли на цыганского барона, то ли на мексиканского грабителя. Общая пестрота наряда подходит под оба варианта.

Джинсы по низу прошиты металлической застёжкой-молнией, чтобы ценная ткань не истрепалась об землю.

– Погоди, это чья одёжка? – соображаю.

– Валерки, – удивляется Лидка, – где я ещё мужские штаны возьму?! – твоя мать меня на порог не пустит, да ещё и вопросов потом не оберусь, «куда», да «зачем».

– А к Женьке зайти? – предлагаю, на мой взгляд, очевидный вариант.

– Ну его, – морщится Лиходеева.

Подозреваю, что виной не только взаимная неприязнь, которую Жендос и Лидка питают друг к другу, но и нежелание моей одноклассницы делиться лаврами спасительницы. «Что бы ты без меня делал!» – показывает она всем своим

гордым видом.

С какой-то точки зрения соблюдается историческая справедливость. Из за Валерки Копчёного я угодил в больницу, а теперь его джинсы помогают мне бежать.

Слиться с толпой в моём наряде все равно не удаётся, но это лучше, чем щеголять в пижаме. Лиходеева подхватывает меня под руку, но уже спустя несколько шагов я основательно повисаю на ней. Издалека кажется, что Лидкин кавалер изрядно пьян.

По дороге продумываю свой будущий разговор. Вряд ли Молчанов в курсе дела. «Советское фото» не из тех журналов, которые читают за завтраком. Не удивлюсь, если у меня сейчас в руках единственный экземпляр, присланный в Берёзов, чья судьба, навеки осесть в недрах библиотеки.

Да и не мог Орлович ожидать появления фото на обложке. Не входило это в его планы. Отправил чужой снимок на конкурс, и шито-крыто. Соберётся в столице жюри, посмотрит работки. Может, грамотку какую-нибудь даст или премию денежную.

Возможно даже выставку проведут в узком кругу для посвящённых. До всей этой богемной жизни Алику Ветрову из Берёзова, как до Китая раком. Ничего бы я не знал и не ведал, если бы кому-то из редакции журнала Лиходеева не приглянулась. Спалили Орловича знатно. Теперь знать бы, то с этим со всем делать.

На входе в райком даже захудалого вахтёра нет, не то,

что милицейского поста при оружии. Совсем власть собственного народа не опасается. С Лидкиной помощью поднимаюсь на второй этаж, по дороге раздумывая, как бы её в приемной оставить. Предстоящий разговор для её ушей совсем не предназначается.

Но все мои размышления оказываются напрасными.

– Нет его, – говорит секретарша, даже не убирая от уха телефонную трубку, только прикрывая ладонью микрофон, – завтра приходите.

– «Нет», или «меня ни для кого нет»? – уточняю.

По косвенным признакам пытаюсь понять, в кабинете Молчанов, или действительно уехал. Самый главный признак – наличие самой секретарши на рабочем месте. Что ей здесь делать без начальника?

– Леночка, я тебе перезвоню, – секретарша кладёт трубку, – самый умный, да? – она поднимает глаза на меня.

На вид секретарше Молчанова Светлане лет двадцать пять – двадцать семь. Темноволосая и темноглазая, с хитрым личиком и чуть длинноватым носом, она не тянет на соблазнительницу, к ногам которой штабелями легло всё областное начальство. Больше похожа на ловкую стервочку, которая уверена, что вытащила в жизни счастливый билет, и теперь вцепилась в него всеми коготками.

– Мне просто сильно надо, – говорю. – Очень сильно. И Сергей Владимирович в этом разговоре заинтересован не меньше меня.

– Так ты тот, которого зарезали? – доходит до неё, – Ветров?

– Как видите, не до конца зарезали.

Не отрывая глаз от меня, она снова берёт трубку.

– Если вы в больницу или в милицию, – говорю, – то не надо. Мне нужно поговорить с лично с Сергеем Владимировичем, это срочно и конфиденциально.

Ничуть не преувеличиваю. Дело о плагиате на таком уровне, это скандал. И чем быстрее и безболезненней этот скандал «купировать», тем меньше будет последствий.

Светлана «подвисает» на несколько секунд, словно тяжёлый мыслительный процесс мешает ей двигаться, а потом набирает номер.

– Не дошел ещё, – говорит она, слушая гудки в трубке, – он домой ушел совсем недавно. Даже странно, что вы разминулись.

– Уехал, в смысле? – подразумеваю наличие у первого секретаря служебной машины.

– Он пешком с работы ходит, – говорит Светлана неодобрительно, словно осуждает шефа за такое ребячество, – говорит, что голову проветривает.

– Лида, пойдем, – говорю.

Вряд ли домашний адрес первого секретаря хранится в большом секрете.

– Погодите, – секретарша набирает еще один номер, короткий, всего три цифры, – Николай, ты ещё не уехал? Под-

нимись, пожалуйста.

Таким образом, к дому Молчанова мы подъезжаем на его же служебной машине. Живёт он в обычной двухэтажной панельке. Сразу видно человека городского. Всё местное начальство разных уровней предпочитает собственные дома, а этот выбрал квартиру, что по здешним меркам даже непристижно, пожалуй.

С огромным трудом мне удаётся уговорить Лиду остаться на лавочке перед подъездом. Приходится выдумать, что присутствие такой красивой девушки дома у одинокого мужчины может выглядеть неприлично и даже компрометирующе. Что без неё мне будет легче выбить у Молчанова возможную поездку в Москву.

Жадность побеждает любопытство, и Лида садится ждать в позе васнецовской Алёнушки.

– Ветров? Проходи, – Молчанов окидывает взглядом мой попугайский «прикид». – Из больницы сбежал, что ли? Зачем? Можно было оттуда позвонить.

– И вы бы прям приехали? – говорю.

– Приехал бы, если дело важное, – отвечает первый секретарь, – ты, знаешь ли, весь район на уши поставил своим детективным сюжетом. В чем дело? Вспомнил, кто на тебя напал? Почему тогда ко мне пришёл, а не в милицию?

Понимаю теперь, почему мне так легко удалось попасть к Молчанову. Он всё еще озадачен нападением, и думает, что я по этому поводу. Ждёт откровений.

– Проходи, – говорит Молчанов, вспоминая, что мы до сих пор общаемся в прихожей, – кофе тебе можно?

– Не знаю, – удивляюсь, – в больнице его не варят. Наверное, можно, у меня же не инфаркт.

Я сажусь на удобную тахту с велюровой обивкой. Квартира, судя по планировке, двухкомнатная. Гостинная обставлена с традиционным «советским шиком». ГДР-овская стенка, люстра с висялками, цветной телевизор «Электрон» с мощным тумблером переключения каналов, размеченным, зачем-то как циферблат часов.

В комнате чисто. Такой немного спартанский порядок бывает в домах аккуратных закоренелых холостяков. Странно, я уверен, что видел на руке у Молчанова обручальное кольцо. А вообще о его личной жизни ничего не знаю, ни к чему как-то было до сих пор.

С кухни доносится запах горелого и сдержанная ругань.

– Кофе не будет, – заглядывает в комнату Молчанов, – как насчет чая?

– Положительно, Сергей Владимирович, – отзываюсь я.

Когда ещё сам первый секретарь райкома тебе стол сервировать будет? Закуски вполне демократичные, сушки и батончики «Рот-Фронт». Ни к тому, ни к другому мы оба не притрагиваемся, ожидая пока не настоится чай в небольшом заварнике.

– Так зачем ты ко мне пришёл? – спрашивает Молчанов.

Выкладываю на стол журнал и вижу, как округляются

у него глаза. Фотографию он, конечно же, узнаёт сразу.

– На обороте посмотрите, – говорю, – фамилию автора.

– Это что, не твои снимки?! – делает он неожиданный вывод.

– Сергей Владимирович, – говорю, – у меня модель прямо возле вашего дома на лавочке сидит. И печатали мы их вместе с ... Дмитриевичем. Так что тут насчёт моего авторства – без вариантов.

– Дела-а-а-а, – Молчанов разглядывает журнал, словно надеясь «развидеть» всё происходящее.

– Вам фамилия «Орлович» не знакома? – спрашиваю.

– Нет, – хмурится Молчанов.

Видно, что задумался, ни к чему ему такое актёрство изображать.

– А вот я с ним знаком, – говорю, – это известный и уважаемый фотограф из Белоколодецка. И познакомил нас товарищ Игнатов из обкома.

– Владлен что ли! – изумляется Молчанов, – когда он успел?

– Встретились случайно, когда я в область за аппаратурой ездил, – объясняю. – Вот он и порекомендовал к Орловичу обратиться за советом.

– Ты показывал Орловичу свои фото? – уточняет Молчанов.

– Нет, – мотаю головой, – точно, нет.

Первый секретарь хмурится. В таком изложении история

выглядит максимально скверно. Именно он попросил у меня образцы моих работ. Затем он же передал их приятелю из обкома. Тот решил посоветоваться с Орловичем, а Орлович от своего имени отправил на конкурс.

Два партийных работника на пару с мэтром советского фотоискусства обокрали комсомольца. Пользуясь служебным положением... находясь в преступном сговоре...

С особым цинизмом.

Взгляд у Молчанова становится нехорошим. В каком-нибудь голливудском боевике, я не дал бы за жизнь главного героя в моём положении и ломаного цента. Там злобные коррумпированные буржуйские чиновники и за меньшее в пластиковые пакеты упаковывают.

– Теперь вы понимаете, почему я лично к вам пришёл? – говорю.

– Посиди-ка, – просит Молчанов.

Он уходит в соседнюю комнату. Телефонный аппарат на журнальном столике начинает позвякивать, значит второй у Молчанова стоит в спальне. Хотя, может, у него там кабинет, ответственным работникам положено, между прочим.

Шумоизоляция хорошая и до меня доносится только: «Владик... Ветров... Орлович...» и ещё «етить вашу мать...». Меня подмывает подойти к аппарату и послушать, но я с честью выдерживаю соблазн.

Молчанов возвращается раздосадованный, очевидно, все его подозрения оправдались. Ещё в дверях он задаёт мне

неожиданный вопрос.

– Алик, чего ты добиваешься?

Глава 2

– В каком смысле? – удивляюсь.

Своей фразой Молчанов ставит меня в тупик. Её смысл до меня доходит не сразу. Первый секретарь хочет понять, как далеко простирается моя жажда мести. Насколько я хочу крови коварного Орловича.

Не помню, была ли за плагиат в Советском Союзе уголовная статья, но скандал в любом случае получится серьёзный. Юношеский максимализм – он такой. Как вытащу на всеобщее обозрение грязное бельё, так потом не спрячешь.

И Молчанов, и его приятель из обкома, Игнатов, оба рискуют замазаться.

– Справедливости хочу, – отвечаю я, – на моём труде никто другой лавры себе зарабатывать не должен. Если снимок мой, то и фамилия под ним должна быть моя. Это – самое главное.

Молчанов выдыхает. Наверное, он ожидал худшего.

– Тебе в больницу надо, – переводит он тему, – я распоряджусь.

– Сергей Владимирович, некогда мне там валяться, – говорю, – не надо, я всё равно сбегу.

– Ну, как знаешь, – легко соглашается Молчанов, – до дома доберёшься?

– А что по этому поводу? – киваю на журнал.

– Ты должен понимать, что с кондачка такие вопросы не решаются, – напускает он строгость.

– А как решаются? – делаю наивные глаза, – конкурс пройдёт, Орлович грамоту получит... Что, отбирать потом будете?

– Иди домой, – морщится Молчанов, – и ни о чём не беспокойся. Ты правильно сделал, что ко мне пришёл сразу. Я всё решу и тебе сообщу, – он поднимает ладонь в ответ на мой невысказанный вопрос, – скоро сообщу. Отдыхай, тебе покой нужен.

Тоже мне, светило медицины, бормочу себе под нос, ковыляя вниз по лестнице. Покой мне прописывает. Не будет теперь в моей душе покоя, пока мне голову Орловича на жертвенном блюде не принесут.

Жаль, Лидкиным мечтам не суждено сбыться. В Москву её точно не позовут. Нет пока в Советском Союзе профессии фотомодели. Есть манекенщицы, которые по подиуму ходят. А фотографические «музы» проходят по категории натурщиц, которым «почасовку» могут оплатить, но при этом даже фамилию не спросят.

– Ну как там? – кидается она мне навстречу.

– Нормально прошло, – протягиваю ей похищенный с начальственного стола шоколадный батончик. – Держи.

– Что значит, «нормально»?!

От нетерпения она готова меня трясти, и останавливает Лиходееву только моё плачевное физическое состояние.

– То и значит, – говорю, – ошибка у них вышла на конкурсе. Фотография моя, а фамилию автора они другую написали. Молчанов в Москву звонил, обещали разобраться. Теперь ждать надо. Только ты никому про журнал не рассказывай, пока они там не разберутся. Сергей Владимирович лично просил, а то не получится ничего.

– Никому-никому? – расстраивается Лидка.

– Сама понимаешь, – объясняю, – слухи поползут, завистники найдутся... Тогда о любой поездке забыть можно будет.

– Поняла, – вздыхает она.

Про завистников она очень хорошо понимает и верит. Такие, очевидно, в жизни Лиходеевой очень часто случаются.

Я ей доверяю. Лидка натура цельная и целеустремлённая. Если ей что-то нужно, то язык себе прикусить способна. Вон, про нашу предполагаемую свадьбу сколько молчала, и никто не догадывался о столь далеко идущих планах.

А то, что я сейчас дурю ей голову по полной программе, то по этому поводу сильно не переживаю. Я по Лидкиной милости чуть на тот свет не отправился, пускай теперь кармический долг отработывает.

Мама оказывается дома. Отбиваюсь от её настойчивых попыток отправить меня в больницу.

– Мама, там всё равно ничего не делают, – говорю, – только температуру меряют два раза в день. А кормят там отвратительно, я там с голоду помру.

– Ой, да у меня тоже ничего нет, – хлопчет она. – Суп сва-

ритель собиралась, да вот как-то не собралась. Ты же в больнице...

Женщины никогда не готовят для себя. Если есть хотя бы потенциальная возможность, что кто-то придёт и съест всё наготовленное, они готовы набивать холодильник. Сами при этом ничего из еды не трогают.

И если мужик в одиноком состоянии идёт в столовую, или покупает вредного, жирного, но вкусного фастфуда, то женщины, похоже, питаются воздухом и, изредка, шоколадками.

Подпираемый с одной стороны мамой, а с другой – Лидой, добираюсь до кухни. Она же столовая, она же гостиная, и вообще самое жилое и популярное помещение в нормальном советском доме.

В стареньком холодильнике и правда всё плачевно. Мышь повесилась.

– Ой, я сейчас макароны сварю, – спохватывается мама. – Лида, будешь макароны?

– Конечно, Мария Эдуардовна, – иезуитски улыбается Лида, – я люблю макароны.

– Мама, можешь сходить ко мне в комнату и принести из-под матраса металлическую коробочку? – прошу, – Лида, вон, пока за водой последит, если что. Ты не перепутаешь, она там одна лежит.

– Вот неймётся тебе, – ворчит мама.

– Ну, пожалуйста, – добавляю мольбы в голос.

Она вздыхает и выходит из кухни со стоическим выражением: «чем бы дитяtko ни тешилось, лишь бы не плакало».

– Заначка? – подкалывает Лида.

– У нас улицы опасней, чем Чикаго, – отвечаю, – и грабят, и режут. Какой дурак станет с собой ценности носить. Ты лучше скажи, давно ли с моей мамой подружилась? Раньше она бы тебя на порог не пустила, а тут, гляди-ка, макаронами угощает.

– С будущей свекровью лучше дружить, – заявляет Лида и смеётся над моей кислой гримасой. – Что, думаешь, уступлю тебя этой болонке ленинградской? Или землеройке белоколодецкой?! – начинает заводиться она, – а про третью бабу я вообще не поняла... она ж матери моей ровесница!

Лидкиной маме немного за тридцать. Лиходееву-младшую она родила в 18, и я очень надеюсь, что дочь не повторит подвиг матери. И насчёт Леман, она злословит.

Хотя может быть сказывается моё странное, раздвоенное восприятие действительности. Для выпускника школы она и правда взрослая тётя, а для взрослого мужика, которым я не перестаю быть – очень привлекательная молодая женщина, пожалуй, единственная, кто выглядит за собой и выглядит по стандартам третьего тысячелетия.

– Ты чего лыбишься?! – бесится Лидка, – думаешь, не вижу твою рожу довольную? Я тебя насквозь... – она прерывает фразу и кидается к плите, чтобы засыпать макароны в закипевшую кастрюлю.

Ну, хозяйюшка! Теперь и я слышу, как хлопает входная дверь, и мама врывается на кухню.

– Откуда у тебя столько денег?! – трясёт она купюрами.

Конечно, никто не знает о частной жизни и личном странстве. Зачем просто приносить, то, что попросили. Надо внутрь заглянуть.

– Заработал, мам, – отвечаю спокойно, – это за свадьбу деньги. Фотографы, знаешь, очень неплохо получают.

В коробочке, к слову сказать, всего сто рублей. НЗ на как раз подобный случай. Основные капиталы покоятся в тайничке под половой доской, про который знать никому не положено.

– Ты же говорил, что бесплатно?

– Мам, ты как маленькая, – объясняю, – «шабашка» это. Кто же про такое будет рассказывать. Там уважаемые люди, партийные работники. А тут дело с милицией связанное. Зачем я их подставлять буду?

– За одну свадьбу?! – в глазах у Лиды, словно в американских мультиках мелькают денежные знаки.

Честно говоря, я и не знаю, сколько сейчас стоит съёмка свадьбы. Наверное, как в любое время зависит от репутации фотографа и платёжеспособности клиентов.

– Тут ещё на бумагу и реактивы уйдёт, – осаживаю её восторг. – Мам, можно?

Протягиваю руку, и она отдаёт мне деньги, а сама садится в глубокой задумчивости.

Как интеллигентный человек, она привыкла относиться к финансам, как к чему-то слегка стыдному. Всем же известно, что у порядочных людей денег нет.

И в то же время у её сына под матрасом лежат сейчас полторы её месячные зарплаты. «Шабашки» в СССР были делом «священным». Бывало, что и инженеры, и научные сотрудники строили коровники или валили деревья с целью резко поправить своё финансовое положение. В обществе такое поведение не осуждалось, правда сопровождалось лёгкой завистью, мол «пристроился».

А тут, можно сказать, на постоянной основе. Конечно, я не думаю, что каждая свадьба будет приносить мне по столько. Но недавнее приглашение стало отличной возможностью «легализовать», мои книжные доходы перед мамой. В любом случае картина моего инженерного будущего, которую она уже нарисовала у себя в голове, подверглась сегодня серьёзному испытанию.

– Лида, – отделивая от стопки десятку, – Ты не могла бы в магазин сходить? Пожалуйста, будь любезна.

Лида кидает на меня пламенный взгляд. Ну а что? Никто не заставлял её тут хозяйшку изображать.

– Конечно, – вспыхивает она улыбкой, яркой как лампочка, – что купить?

– А на твой вкус, – говорю, – к макаронам вприкуску.

– Ой, он же закроется скоро! – волнуется мама.

– Ничего, я бегом, – с вызовом заявляет Лида.

– Хорошая девушка, – неожиданно сообщает мама, едва Лиходеева скрывается за дверью.

– Серьёзно?! – удивляюсь, – раньше ты была другого мнения.

– Она возле тебя день и ночь дежурила, – говорит мама, – на шаг не отходила, пока ты без сознания лежал.

В этом, все матери на свете. Судят о девушках по тому, как те относятся к их любимому сыночку. Лидка сидела с другой целью. Не хотела пропустить момент, когда я приду в себя, чтобы узнать, что я помню, а что нет. Но я не хочу разочаровывать маму. В моей однокласснице и правда пропадает актриса больших и малых театров.

Хотя, почему пропадает? Я в своё время посмеялся над её наивной мечтой, а вдруг это действительно её призвание?

– Мам, – говорю, – а ты знаешь, что Лида в театральный хочет поступать?

– Куда?! – смеётся мама.

– В белоколодецкий техникум, – объясняю. – Там ведь есть актёрский.

– Да какой там актёрский, – машет она рукой, – одно название. Это тебе не Щукинское.

– А её прямо в столице с распростёртыми объятьями ждут? – говорю. – Сколько таких туда приезжает со всей страны. Лучше синица в руках. А оттуда можно замахнуться куда угодно, если иметь хоть какую-то базу. После техникума ведь в ВУЗ проще поступать, правильно?

– И когда ты только успел стать таким рассудительным? – она садится напротив меня, подперев кулаком подбородок.

– Само как-то, – отшучиваюсь. – Так я к чему веду, может, ты с ней позанимаешься?

– Чем? – удивляется мама.

– Актёрским мастерством, – говорю. – У вас вон постановка своя, возьмите её хотя бы на второй состав. Пускай посмотрит на актёрское ремесло не в мечтах своих розовых, а как есть, из за кулис. Может, ещё и передумает после этого.

– Думаешь? – сомневается мама, но впервые всерьёз размышляет над моими словами. – Она же вроде в школе не очень хорошо училась?

– Потому что смысла в этом не видела, – говорю, – а здесь, если это приблизит её к мечте, будет дни и ночи пахать. И перед приёмной комиссией не «У Лукоморья дуб зелёный» прочитает, а «с рассвета в Валентинов день...».

– Никто её Офелией не возьмёт, – возражает мама, – вот ещё! Такую роль годами ждут, а тут сразу... Разбежалась... Пускай сначала чайник научится изображать... с крышечкой... – она улыбается, вспоминая, похоже, что-то из своего театрального прошлого. – Или торшер!

Когда запыхавшаяся Лида забегает в дом, её судьба практически решена, без всякого на то согласия самой Лиходеевой.

– Рынок закрыт, – ещё не подозревая о переменах в своей жизни, отчитывается она, – а в сельпо только килька в то-

мате, да спички. Зато вот! – Она выставляет на стол сразу две стеклянных банки с тушёной, кусок сыра и банку соуса «Краснодарский». – Достала! Будут макароны по-флотски.

На какое-то время разговоры смолкают. Блюдо, приготовленное мамой на пару с Лидкой сильно отличается от того, чей рецепт записано в микояновской библии «О вкусной и здоровой пище», но получается исключительно вкусным и питательным.

И мама, и Лидка наперебой пытаются накормить меня, «а то исхудал в больнице», а я блаженствую от нормальной еды, от домашнего уюта и, наконец, навалившегося на меня спокойствия.

Увы, недолгого.

Сначала мне кажется, что красно-синие блики на стенах вызваны усталостью. Рябит в глазах, словно я потихоньку проваливаюсь в сон, и реальность наполняется совершенно несвойственными ей артефактами. Такое бывает в состоянии чрезвычайной усталости, а именно это я сейчас и чувствую. А ещё желание упасть на подушку и не вставать с неё как минимум пару суток.

– Добрый вечер, Мария Эдуардовна, – капитан Грибов, постучав для порядка, тут же приоткрывает дверь и просовывает свою голову в фуражке. – Альберт дома?

«А он гулять выйдет?» мелькает в башке дурацкая фраза.

– В больницу не поеду, – говорю, не здороваясь, – не имеете права.

– Не кипятись, – примирительно поднимает ладони капитан, – мы не по этому поводу. Как ты себя чувствуешь?

– Отлично, – говорю с вызовом, – хоть сейчас на танцы.

Неспешная манера Грибова вести речи и плести конспирологические теории не вызывает у меня никакого энтузиазма. А мне сейчас слишком хреново, чтобы сдерживать раздражение. Я прекрасно помню, как он меня в больнице «полоскал» на предмет возможных криминальных связей и конфликтов.

– Очень хорошо, что тебе лучше, – радуется Грибов, – значит, ты в состоянии с нами проехать? Не в больницу. В отделение.

Капитан между тем, под шумок, заходит в крохотную прихожую, которой больше подойдёт слово «сени», и мнётся у порога. В приоткрытую дверь видно радостную физиономию младшего лейтенанта Степанова. Улыбка у того, вообще до ушей. Да что тут, блин происходит?!

– С какой целью? – напрягаюсь я.

Неужели они докопались до чего-то незаконного в моих делах? Отчаянно пытаюсь вспомнить, что лежало в моём рюкзаке, который подбросила милиции Лида.

Ни книжек, ни кассет с записями, ни денег... Аппаратура, и всё. Легально приобретённая, на всё чеки есть. Да и не стал бы Коля Степанов так радоваться, прищучив своего напарника по бегу и тренировкам.

– Убивца твоего опознать надо! – оправдывает мои ожи-

дания Степанов, – Взяли мы гада!

– Как взяли?! – чуть не падает со стула Лида.

Взгляд у неё мечется, как у пойманной синицы. Незаметно под столом с силой наступаю ей на ногу. Лицо Лиходеевой кривится от боли, но соображалка включается.

– Кто же это оказался? – спрашиваю, изображая искреннее любопытство.

– Это служебная информация, – Грибов сердито оборачивается на младшего лейтенанта, и тот виновато моргает, – вот будешь опознавать, сам и увидишь.

– Я ж не помню ничего, – говорю, вставая со стула. – Как же я кого-то опознаю.

– Никуда он не поедет! – вступает мама, – ты погляди на него, Сергей Игнатич. Куда ему ехать?! Ему покой нужен! Хоть до утра подожди...

Ехать надо. Обязательно надо ехать, и уже на месте разбираться, что с этим делать, а то сейчас из Лидки польются откровения, как из треснувшей бочки. Не заткнёшь и не расхлебаешь потом. Да и Копчёный, если это его задержали, сейчас думает, что это я его сдал. Ни к чему хорошему такие мысли не приведут.

– Мама, нельзя в таком деле ждать, – убеждаю её. – Я нормально себя чувствую, справлюсь.

– Процедура такая, – капитан разводит руками, радуясь моей поддержке – опять же рост, особенности телосложения... Мало ли, что вспомнится.

Врёт, доходит до меня. Грибов хочет очную ставку устроить. Свести меня со своим подозреваемым и поглядеть на нас. Может, тот слабину даст, а может, я. Не верит он мне, что я не видел ничего, и правильно не верит. Поэтому врёт и хочет меня поймать. Хотя, что значит «хочет». Уже поймал, практически. Только Лидку с собой брать нельзя ни в коем случае.

– Я тоже поеду! – вскакивает эта дурёха.

– Нельзя, – качает головой Грибов, к моему облегчению. – ты, Лида, свидетель. Тебя мы потом отдельно опросим.

– Одного не отпущу, – мама сталкивается с капитаном взглядами.

– Так, я и не требую, – Грибов радуется, что вопрос движется в нужном для него направлении, – мы на машине. Места для вас, Мария Эдуардовна хватит.

В машине, той самой ВАЗовской «трёшке», которую я однажды видел у райотдела, Грибов садится впереди, а Николай сзади. Я оказываюсь зажат между ним и мамой. Ведёт незнакомый мне усатый старлей седой почти полностью седой.

– Точно он, – снова не выдерживает Коля, – и свидетели ваш конфликт подтвердили, – он почему-то подмигивает мне, – а главное, нож при нём нашёлся, а на ноже кровь!

– Степанов! – прикрикивает спереди Грибов.

– Молчу, Сергей Игнатьевич! – отвечает Коля и снова подмигивает.

В райотделе шумно. Стучат пишущие машинки. Кого-то приглашают, кого-то опрашивают... Я и не думал, что в Берёзовской милиции работает столько сотрудников. До этого сталкивался только с Грибовым и Степановым, вот и думал, что они словно в плохом боевике расследуют все преступления района.

Нас с мамой сажают в отдельной комнате за широкий квадратный стол, составленный из двух обычных письменных столов, поставленных друг к другу задом. Из всех украшений, панели из скверного ДВП и портрет Брежнева. От нечего делать, начинаю считать у него медали.

Мама молчит, и только сильно стискивает мне ладонь. Пытается успокоить, но выходит обратный эффект.

– Вот он, душегуб, – заявляет Степанов, нарушая все мыслимые каноны процессуального Кодекса, или что там в СССР отвечает за правильность ведения расследования. – Заходи уже.

Тоскливо склонив голову, в комнату заходит «старшак» Серёга из лагеря археологов.

Глава 3

Предупреждение: Некоторые события, изложенные в этой главе, могут показаться читателями плодом неуёмной авторской фантазии. Однако, автор решился вставить их, поскольку лично был свидетелем истории, которая отличалась от случившейся разве что мелкими деталями.

– Сергей?! – вырывается у меня.

Вот не ожидал его здесь увидеть. Ждал Валерку Копчёного, размышлял, как буду выкручивается. А тут изумился просто.

Археолог поднимает голову и также безучастно вновь упирается глазами в стол. У него на лице красуется свежий фингал. Судя по размерам, друг-Коля постарался. Зачем здешней милиции ОМОН, зачем спецназ, если у них младший лейтенант Степанов есть? Кого хочешь задержит.

Становятся понятны и все его ухмылки и подмигивания. Он сам был свидетелем той самой драки, после которой Серёга мог испытывать ко мне «личную неприязнь». Вот тебе и мотив! Но непонятым остаётся ещё многое.

– Ты его знаешь?! – мама смотрит на Серёгу, как на врага народа.

– Знаю, конечно, – говорю, – я у археологов фотографи-

ровал, а он там практику проходит. Знакомы даже. Не он это на меня ночью нападал.

Серёга смотрит на меня с надеждой. Что, думал, я тебя топить буду из той самой «личной неприязни»? Куражить-ся? Не такая я мразь. По себе людей не судят. И если Серёже такие мысли в голову приходят, значит, есть в этой голове определённая гнильца.

Но с его моральным обликом пускай родители, педагоги и комсомольская организация разбирается. А в этой ситуации и без того много непонятного.

– Ты, Ветров, дурака не валяй! – сердится Грибов. Он проходит в кабинет сразу после Серёги и, напустив на себя строгости, усаживается напротив мамы. – То «ничего не видел», то «точно не он».

– Сами же сказали, фигура... очертания... Да он выше меня на две головы! А там, наверное, с меня ростом человек был. Как тут перепутать?!

– Ты говорил, выше тебя, – Грибов листает бумажки в папке.

Мог я такое сказать? Не помню дословно своих показаний в больнице. Хреново мне было, да и не запоминал особо. Копчёный ниже меня. Мог ли я сказать, что нападавший выше, чтобы подозрения от него отвести? Не мог, потому что не знал тогда, как разговор с ним обернётся. Может, памяти понадобилось бы «срочно вернуться», а делу дать ход. Так что не стал бы я сам себе противоречить.

– Не говорил, – мотаю головой, – путаете вы что-то. Мог сказать, что не помню. А тут представил этого, – показываю на Серёгу, – на месте нападавшего, и вижу, что не стыкуется картинка.

– Ты внимательнее посмотри, Алик, – расстраивается оставшийся в дверях Коля, – Всё же одно к одному складывается. Из лагеря он ушёл, до утра его не видел никто. И нож при нём нашли, и на том следы крови обнаружились.

Каким бы хорошим человеком не был милиционер, а дело для него важней всего. Особенно когда это «дело» можно прямо сейчас закрыть и в архив сдать, а себе «палку» поставить.

Вот и Грибов Николая даже не пытается остановить, чтобы тот мои мысли в верном направлении подтолкнул.

– Моей крови? – спрашиваю, – уже экспертизу сделали?

Понятно, что не сделали. Для этого надо материалы в область отправлять, вряд ли здесь что-то подобное делают. Даже если так, сверят, скорее всего, группу крови, не будет никто из за такой мелочи с ДНК заморачиваться. Но и с этим возиться никому неохота, ведь существует чистосердечное признание – «царица всех доказательств», как повторял товарищ Вышинский.

– Чьей же ещё? – озвучивает Коля.

– Да не трогал я его! – взрывается Серёга, – не видел даже! На хрен он сдался мне, фотограф ваш!

– А где был? – терпеливо спрашивает Грибов.

– Не скажу, – бурчит «старшак».

Детский сад, штаны на лямках. Однако если у товарища окровавленный нож присутствует, то может и не зря он не желает своими ночными похождениями делиться?

– Почему не скажешь?

– Да не помню я! – взрывается Серёга, – пьяный был, по лесу ходил, потом вернулся и спать лёг.

– Как же вы мне надоели, – вздыхает Грибов, – один «не видел», другой «не помнит». Ладно, Ветров, езжай домой.

– А с ним что? – киваю на «старшака».

– Это уже не твоя печаль, – немного мстительно заявляет Грибов, – будем экспертизу ждать. Может неделю, а может и больше. У нас тут КПЗ уютная, на кровати хоть выспитесь, а не в палатке.

Домой нас отвозит тот же старлей, по-прежнему не сказавший за всю дорогу ни слова. Уже у машины, застав Николая наедине, прошу его зайти с утра перед работой.

Дури в Серёге предостаточно, но в милиции он по моей вине оказался. Не вздумай я играть в благородство и выгораживать Копчёного, никаких вопросов к «старшаку» не появилось бы.

– Алик, – спрашивает мама, когда мы возвращаемся домой – ты уверен, что это не тот человек?

– Уверен, – говорю.

– А почему ты с ним дрался? – не отстаёт она.

– Из за девушки, – отвечаю, – приревновал он некстати, вот и полез. Но всё не всерьёз было, и разняли нас быстро.

– Жаль, – удивляет меня мама.

– Почему, жаль?

– Потому что теперь опять непонятно, кто на тебя напал, – она берёт меня за руку, и я вижу в глазах слёзы, – я очень-очень испугалась, когда всё это произошло. А вдруг, это случится снова?

– Не случится, мама, – обещаю я, сам в подобном совсем не уверенный.

Говорят, ложь во спасение – святая ложь.

* * *

– Коль, да не мог это быть студент! – в который раз объясняю я.

– С тобой дрался, – Николай загибает пальцы, – отомстить обещал, нож нашли и ещё кровь на одежде! Между прочим, это я Игнатичу подсказал, в каком направлении искать, – хвастается он.

– Тот, кто напал, у дома меня ждал, – привожу я единственный аргумент, до которого вчера додумался. – Знал этот Серёга, где мой дом? Не знал!

– Может, сказал кто, – чешет репу Степанов.

Ему очень не хочется отказываться от версии, которую сам же и выдвинул.

– Кто? – говорю, – девчонки не знали, даже Надя не знала. Их главный археолог тоже. Не пошёл же он ночью по домам спрашивать: «Тут фотограф живёт из районной газеты? Я его резать буду!» – голосом изображаю лихого джигита.

– Заранее узнал, – не сдаётся он.

– Тогда это уже не спонтанное нападение, а с предварительной подготовкой и прямым умыслом, – говорю, – а ты рассказывал, что он внезапно, посреди пьянки в лес ушёл.

– Так и было, – отвечает Николай.

– Ну-ка расскажи мне поподробнее.

– Не положено, – хмурится он.

– Не положено невинного человека в КПЗ «прессовать», – говорю ему. – Ну, же. Друзья мы, или нет? Я, в конце концов, лицо заинтересованное. Это меня резали, а не кого-то там постороннего.

– Ладно, – сдаётся Коля, – слушай.

Идею, о том, что виновным может быть Серёга, начальству подкинул Николай. Он сам был свидетелем ситуации на пикнике, и предположил, что тот может задумать месть.

А дальше, одно к одному. Ночью «старшака» в лагере не было, это подтвердили свидетели, а в его палатке, которую обыскали без всяких санкций «по горячим следам», обнаружили рубаху в бурых пятнах и перочинный нож с аналогичными следами. Так, Серёга и превратился в главного подозреваемого.

– Коля, – прошу его, – ты транспорт раздобыть можешь?

Надо к археологам съездить. На мопеде я, боюсь, не удержусь пока.

– Зачем, – упирается младший лейтенант.

– Ну, хотя бы затем, чтобы с человека подозрения снять, – говорю, – как тебе такая причина?

Николай подкатывает ко мне через полчаса на шикарном мотоцикле с коляской, выкрашенном в жёлто-синие «милицейские» цвета.

– Урал! – хвастается Степанов, – садись в люльку, раненый. Я у начальства до обеда отпросился, так что давай поспешать.

– Ничего, – говорю, – твоё начальство тебе ещё спасибо скажет, – на что Николай хмыкает недоверчиво.

Трясёт в коляске на просёлке невероятно, так что изо всех сил стискиваю зубы, чтобы ненароком язык не прикусить. За что так любили этот транспорт в советские годы, ума не приложу. Места мало, зимой холодно, с автомобилем, ну никак не сравнить. Может, купить легче было?

В лагере археологов нам не рады. Это заметно сразу. Народ при нашем приближении прячется в палатки. Руководитель практики, Аникеев поглядывает со стороны своего штаба, но сам здороваться не подходит.

Навстречу выбегают только девчонки. Надя и Юлька повисают на мне, чмокая по очереди в обе щеки, а Таня куда скромнее здоровается с Николаем, но, видя, как они переглядываются, чувствуется, что между этими двоими пробе-

гают искры.

– Осторожно, – охаю я, – меня и так в дороге растрясло.

– А нам бойкот объявили, – весело сообщает Юлька, – говорят, что из за нас Серёженьку арестовали.

– Ну, перестань, – перебивает её чувствительная Надя, – жалко же его.

– А Алика не жалко? – Юля вступает в спор, начатый, очевидно, не сейчас.

– Ты лучше объясни, зачем мы приехали, – говорит Николай.

– Нам нужно поговорить с теми, кто пил с Серёгой тем вечером, – объясняю, – думаю, они не всё говорят. Может, думают что помогают ему таким образом, а может, просто не придают чему-то значения. Я точно знаю, что он ни при чём, но надо найти этому доказательства.

Пока Коля общается с Аникеевым и собирает свидетелей, я оказываюсь в цепких лапках трёх подружек.

– А тебя из больницы выписали уже? – спрашивает Надя.

– Конечно, – говорю, – рана пустяковая. Царапина.

– Ты уверен, что это не Серёга? – Юлька готова обвинять своего бывшего фаворита во всех грехах.

– Его я бы точно узнал, – отвечаю.

– Да от него спиртягой прёт, как из водочной бутылки, – морщит нос Таня. – Конечно, узнал бы.

Я не хочу им объяснять, что сам, возвращаясь со свадьбы, благоухал примерно так же и подобную «особую примету»

просто не учуял бы.

В большой шатровой палатке, прозванной здесь «словником», собираются семь человек. Все как раз «словны», старшекурсники. Некоторые знакомы по визиту к нам «на шашлыки». Все молчат, мнутя. Зыркают, по большей части, недовольно.

Думаю, был бы я один, мне бы высказали «пару ласковых». Николая в форме всерьёз опасаются, но и сотрудничать не спешат.

Оглядываю их и сам слегка «зависаю». Как к ним обратиться? Граждане комсомольцы? Товарищи?

– Парни, – говорю, – мужчины. Ваш друг оказался в большой беде. Его обвиняют в нападении на меня, но я уверен, что это не так. У нас были с ним разногласия в прошлом, но я не желаю ему зла. Думаю, что он не виноват, но он будет не первым невиновным человеком, оказавшимся за решёткой. Вспомните, пожалуйста, что произошло в тот вечер. Если получится доказать его алиби, то все вопросы будут сняты.

Парни переглядываются.

– Может, ты нарочно? – спрашивает один. – Утопить его хочешь?

– Для этого мне было достаточно его просто опознать, – отвечаю. – Ни к чему все эти выкрутасы.

Говорить начинает худой парень в очках. «Витька», вспоминаю я его имя. Потом вступают остальные, подсказывают,

добавляют. Рассказ расцветает красками и дополняется деталями.

По их словам, выходит следующая картина.

После его фиаско на нашем пикнике репутация Серёги оказалась подмочена в прямом смысле слова. Благодаря языкастой Юльке, об этом скоро узнал весь лагерь. Девушки хихикали в глаза, парни сочувствовали, но это сочувствие было обиднее насмешек.

Самогонки и так на раскопках было хоть залейся, начальство следило только за тем, чтобы народ на работу выходил вовремя. А как они проводят вечера, их дело. Люди взрослые.

И вот вечером, как раз тогда, когда я вернулся из свадьбы во время общей пьянки у «старшаков» закончилась закуска. Кто-то, личность говорившего выяснить так и не удалось, пошутил про шашлыки. Невинно пошутил, мол «шашлычков бы сюда», но Серёжа взбеленился.

По словам очевидцев, он долго рылся в своей палатке, а потом удалился в ночной лес. На вопрос, куда он, собственно, собрался, ответил «за шашлыком», а потом добавил, что «собирается прирезать одного козла».

– И ты сразу про меня подумал? – говорю я Николаю, – спасибо, друг.

– Так, это не я сказал, – краснеет Николай, – это свидетели.

Мои слова разряжают обстановку. На лицах говорящих

даже улыбки появляются.

Вернулся Серёга спустя несколько часов, никто уже толком и не помнит, когда. Спали уже давно все. Наутро, кто-то глазастый разглядел у него на рубахе кровь, но не придал этому факту особого значения. И только через два дня, когда в лагерь приехала милиция из Берёзова, у Серёжи в вещах нашли и грязную рубашку и бурые пятна на перочинном ноже.

– Коль, – спрашиваю, когда мы выбираемся из «слоновника», – а какое жильё тут есть поблизости?

– Так, Берёзов, – не понимает вопроса он.

– А какая часть Берёзова? А то мы всё по дорогам ездим. Что, если напрямик, через лес?

– Хутор есть, – прикидывает Степанов, – бирюк там один живёт с матерью со своей. Сам пенсионер, а мать уже давно на том свете с фонарями ищут. Есть подозрение, что мать самогонку гонит, но подозрение к делу не пришьёшь, а без оснований обыск устраивать никто не будет.

«Бирюк», это, по-местному, нелюдимый одинокий человек. Такому – самое оно, жить на хуторе. И для самогонки место подходящее, вдали от посторонних глаз.

– А поедем-ка, проедемся туда, – предлагаю.

– Делать тебе нечего, – бурчит он, но соглашается.

Хутор встречает нас высоким забором из некрашенных, положенных внахлёт досок и лаем «кабыздоха».

– Доброго здравия, Павел Михалыч, – приветствует Ни-

колай худого, и словно высохшего как мумия пожилого мужика. – Как поживаете?

– Нормально, – бурчит тот, чуть приоткрывая калитку.

– Павел Михалыч, – говорю, – мы вас надолго не отвлеку. Только один вопросик к вам будет.

* * *

– Руль держи! – говорю Николаю, – хватит ржать, как кавалерийский конь.

– Не могу, – Степанов даже ход замедляет, – надо же быть таким идиотом! В райотдел едем?

– Конечно.

Грибов моему появлению радуется.

– Вспомнил? – вскидывает он вопросительно брови.

– Вспомнил, – киваю я, – ведите вашего подозреваемого.

Будет вам сейчас чистосердечное признание.

Ночь в КПЗ проезжается по Серому, словно гусеничный трактор. А, может, сказывается похмелье после многодневного ежедневного пьянства. Абстинентный синдром. Говорят, он ещё способствует угрызениям совести. Не знаю, никогда не увлекался алкоголем, ни в той, ни в этой жизни. В общем, Серёга тих и задумчив.

– Рассказывай, – говорю.

– Про что? – бурчит он.

Грибов смотрит на нас с любопытством. Очевидно, ждёт,

когда закроет это дело легко и изящно.

– Про хутор... про козла... Мы и так всё знаем, – киваю на Николая, – но у тебя есть шанс облегчить душу.

Глаза у капитана медленно лезут на лоб.

Серёжа говорит медленно, подбирая слова. Видно, что ему отчаянно стыдно. А может, реакция на абстинентный синдром такая.

Действительно, при словах про шашлык его заела обида. Каждый раз, когда упоминалось это блюдо, у него перед глазами вставал наш пикник, мангал и собственное купание в реке.

Но больше всего его бесило, что какие-то колхозники обеспечили ЕГО девчонкам отдых со всеми удобствами, а он был способен только на приглашения «по малину». И Серый решил отличиться. Блеснуть. На хуторе, где «слоны» затаривались самогоном, он приметил стадо коз. И теперь, на пьяную голову, собрался разжиться мясом.

Найдя в хозяйственной палатке мешок из под картошки, Серёга пошёл на промысел. На хутор он проник относительно спокойно, со стороны леса забор был ниже, и построен для того, чтобы живность не разбрелась. Видимо, главную угрозу местный бирюк и его мать-самогонщица видела не в лесе, а в любопытных людских взглядах.

Ночная схватка Серого с козлом так и останется не воспетой ни одним менестрелем или акыном. Велась она в одиночестве и в полной темноте. Каким-то чудом Серёга побе-

дил и запихнул козла в мешок. Но при этом разбудил хозяина, который устремился в погоню, вооружённый фонарём и двустволкой.

У Серёги было преимущество во времени и в скрытности, но пленный козёл начал орать в мешке дурным голосом. И тогда Серый решил козла зарезать. Из оружия у него был только перочинный нож, подаренный отцом на двенадцатилетие. Но Серёга очень старался, вернуться в лагерь ни с чем он не мог.

Во втором раунде победил козёл. От страха и боли животное вывернулось и скрылось в ночном лесу. Неудавшийся добытчик пробрался в лагерь и завалился спать.

– Жив твой козёл, – ухмыляется Николай. – Скотина умней тебя оказалась. Наутро на своё обычное место пастись пришёл. Хозяин решил, что его бродячие собаки подрали.

– Так чего ты молчал, дуралей?! – возмущается Грибов.

– Думал, что в краже обвинят, – объясняет Серёга. – Козёл ведь, имущество, как-никак. А насчёт него, – кивает на меня, – я думал, что когда экспертизу сделают, поймут, что кровь не человеческая. И отпустят.

Домой меня отвозит Николай. Я теперь, как очень важная персона, перемещаюсь исключительно с водителем. И, едва повернув на нашу улицу, замечаю у дома чёрную Волгу.

Глава 4

Из трёх телефонов, стоящих в его кабинете, Сергей Молчанов больше всего ненавидел красный. Белый аппарат был самым обыкновенным, для звонков по району, или, если набрать заветную восьмёрку, то и по всей области.

Этот номер в обычных телефонных справочниках не значился, поэтому и аппарат чаще всего молчал. Родителям и ветреной супруге Молчанов звонил из дома, а на прочую нерабочую болтовню у первого секретаря не было времени. По меркам третьего тысячелетия его называли бы трудоголиком.

Жёлтый телефон служил для делового общения. Он соединял по коротким трёхзначным номерам, владельцев которых было не более двух десятков. Такой аппарат стоял у директора колбасной фабрики Долгополова, председателя колхоза Винокурова, прокурора района, главного врача ЦРБ. Кстати, у Марины Подосинкиной, главного редактора районки, такой аппарат тоже имелся, однозначно причисляя её к кругу людей нужных, важных и облечённых полномочиями.

По этому аппарату брали трубку сразу, разговаривали короткими фразами, иногда, переходя с казённо-административного, на «народно-матерный». Телефон для своих.

Третий аппарат звонил редко, и эти звонки никогда не бы-

ли приятными. Он соединял район с обкомом партии и служил наглядным проявлением той самой «вертикали власти», которая в Советском Союзе была стройной и незыблемой, как никогда.

Правда, отдельные личности шутили, что если соединить вертикаль власти и горизонталь власти, то получится отличная клетка власти. Но шутки эти не выходили дальше посиделок на кухнях.

Но на этот раз Молчанов поглядывал на красный телефон с нетерпением, а когда тот подал голос, поднял трубку с первого звонка.

– Привет работникам села! – Молчанов не ошибся, в трубке звучал весёлый голос Владлена Игнатова.

– Ты поговорил с этим Орловичем? – не ответил он на дежурную шутку институтского приятеля.

– Поговорил.

– Ну и что он?

– Бодр, весел и полон оптимизма.

– А про фотографию, что говорит?

– Не ожидал её увидеть, – пояснил Владлен, – это был один шанс из тысячи. Знаешь, сколько туда работ отправлено было? Один снимок, как песчинка на пляже в Евпатории. Так что это почти гарантированный успех.

– Так это не его фотография, – Молчанов слегка опешил. – Это Альберт Ветров сделал. Мы с тобой оба это знаем.

– А какая разница? Там конкурс такой, на который слу-

чайным людям вход закрыт, одни заслуженные, лауреаты и члены – хохотнул на этом слове в трубку Владлен, – у твоего школяра шансов не было даже узнать про него, не то, что работу отправить. Информация по своим расходится, они и заявки присылают на участие. Если бы каждый фотолобитель свои шедевры слал, их бы за год отсмотреть не успели бы.

– А что, свою работу нельзя было отправить? – буркнул Молчанов.

– Так не было у него подходящих работ. Творческий кризис, выгорание... поиски... и тут такая... так и просится на грех. – Владлен причмокнул, – вот и поддался Орлович соблазну. Да даже и не соблазн это был, а совершенно обычный расчет. Где твой Ветров, и где Москва? Не знаешь что ли, как научные работы пишутся? Пашут аспиранты, а публикуется научный руководитель. И ничего. Поработают своё, терпению наберутся, уважительности. Сами станут профессорами и начнут публиковать. Круговорот дерьма в природе.

– Твой Орлович не руководил ничем, – возмутился Молчанов, – я до вчерашнего дня и фамилии такой не слышал.

– Потому и сидишь в своём медвежьем углу, – подначил Игнатов. – Людей надо знать, с людьми общаться, а с некоторыми из них желательно дружить. Между прочим, это Орлович сказал, что у твоего пацана талант есть. Можно сказать, дал ему «путёвку в жизнь». Вот пусть и побудет па-

рень слегка благодарным. Не убудет от него. У Ветрова ещё вся жизнь впереди, он таких фотографий не одну сотню нащёлкает. А у Орловича звёздный час наклёвывается. Конкурс ВЛКСМ проводит, работы сам Пастухов отсматривает. Там по результатам можно и «Государственную премию» получить, а то и «Ленинскую». Это и для области почётно. Ты что, своими руками это дело зарубить хочешь?

– Ну а если объявить, что ошиблись? Так и так... Снимок тот, а мастер другой... – Молчанов сам понимал, как это уныло звучит.

– Никто этого пацана победителем не сделает, – отрезал Владлен, – другие лауреаты и члены не позволят. Сразу найдут массу недостатков, огрехов и прочей фигни. Да и скандал до небес раздуют. Думаешь у таких людей, как Орлович недругов нет, которые на костях его сплясать захотят? Опять же, мы с тобой оба в дерьме окажемся, хотя и ни при чём вроде бы, а осадочек всё равно останется.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Я не предлагаю, я прямо говорю, – голос Владлена утратил смешливую вальяжность. – Приструни своего щенка. Пускай знает своё место, а то заигрались с ним в педагогику. Он пока не понимает, а потом спасибо скажет, за то, что его жизни научили. Жизнь, она такая штука... сложная. Иногда приходится наступать на горло собственной песне, чтобы само это горло не перехватили ненароком.

С милицейского мотоцикла я пересаживаюсь на райкомовскую «Волгу». Младший лейтенант Степанов и товарищ Комаров забавно переглядываются, словно один передаёт меня другому с рук на руки.

В машине Комаров молчит, да и всё наше путешествие занимает не больше пяти минут. Расстояния в Берёзове игрушечные. Иметь тут свой автомобиль вообще нет никакого смысла, если только по всему району не ездить. Хотя в том же Кадышеве даже рейсовые автобусы имеются. И такси даже. Интересно, кто на них катается?

– Как там выставка поживает? – не выдерживаю уже на ступеньках.

Комаров, который совершенно точно в курсе всего происходящего безобразия, только хмыкает в ответ. Отмалчивается. Почему-то сама присланная Волга и его молчание кажется мне добрым знаком. Понятия не имею, как люди при власти собираются «разруливать» сложившуюся ситуацию, но начинаю верить в благополучный исход.

Молчанов приподнимается в скрипнувшем кожаном кресле и протягивает мне руку.

– Как самочувствие? – интересуется он.

– Спасибо, лучше, – отвечаю без подробностей.

Не хочется давать возможность разговору уклониться

от темы. Комаров, ожидаемо, остаётся. Мы садимся по обе стороны стола, установленного буквой «Г», стандартного для большинства руководителей всех времён.

Интересно, что когда меня уговаривали работать в газете, то разговор шёл за другим столом, длинным и узким, за которым обычно проводятся совещания.

Костюмы у Молчанова совершенно одинакового светло-серого цвета. А вот галстуки постоянно меняются, причём подобраны они довольно элегантно, что не слишком стыкуется в моей голове с характером первого секретаря, чья квартира безлика, как гостиничный номер. У меня возникает чувство, что галстуки дарила женщина. Тогда, почему он живёт один? Развёлся? Волнуюсь я, всё-таки, раз всякая чушь в голову лезет. Сам себя отвлечь пытаюсь.

– Альберт, – говорит Молчанов, – я пообщался с коллегами, и они очень высоко оценили твою работу. Сам понимаешь, участие в конкурсе такого масштаба – это большой аванс, но это и прекрасная возможность проверить свои силы и узнать мнение признанных мастеров, профессионалов своего дела. И то, что твоё фото попало на обложку всесоюзного журнала, это повод для законной гордости.

Как и у многих от природы честных людей, врать у Молчанова получается не очень хорошо. Он отводит глаза и чуть ослабляет узел галстука. Но во время своей речи входит во вкус и даже сам себе начинает верить.

– Минуточку, – говорю, – я ни в каком конкурсе не участ-

вую. Участвует моя работа под чужой фамилией.

– Тебе жалко что ли на пользу родной области потрудиться? – влезает Комаров, – Ты же комсомолец, Ветров. Что за мелкособственнические высказывания?

Молчанов морщится, даже ему подход Комарова кажется грубоватым. Однако не возражает, молчит, ждёт.

– А давайте, – предлагаю, – Павел Викентич, мы с мамой у вас в квартире поживём на вашем полном пансионе? Вам ведь не жалко. Вы, очевидно, бессеребренник.

– Ты, Ветров, не хами, – повышает голос Комаров, но под взглядом Молчанова осекается.

– Альберт, ты ещё очень молод, – сочувственно говорит первый секретарь. – Поэтому мало знаешь про жизнь. Тебе кажется, что все должны признать твои таланты, бросать к твоим ногам букеты и пожимать тебе руку в Большом Кремлёвском дворце. Так вот, подобное случается только в детских книжках. – Голос Молчанова становится проникновенным, прямо «отец родной». – Если бы эта фотография была подписана Альбертом Ветровым, её никто всерьёз не принял бы. В любом деле нужно имя, репутация. У Афанасия Сергеевича Орловича они есть, и ты должен сказать спасибо, что он продвигает твою работу. Без него она бы так и пылилась у тебя в шкафу. А так её увидят миллионы людей!

У Молчанова даже глаза увлажняются от пафоса всего вышесказанного.

– А по-честному сказать, твоя работа так себе, – добивает начинающего фотографа Алика Ветрова товарищ Комаров. – Если бы не Орлович, на неё бы и не глянул никто. Обычное мальчишество. Любительщина. А авторитет Орловича позволяет находить в ней глубокие смыслы. Так что ты сильно не зазнавайся, и губу не раскатывай, а то гением себя возомнил.

«Вот этого я тебе, гнида, никогда не прощу», думаю я. Ведь что случилось бы, окажись на моём месте настоящий семнадцатилетний парень? Талантливый, впечатлительный, горячий. Сломали бы его через колено, тут в воду не гляди.

Забрали бы его работу, и ещё заставили бы благодарить за это. Превратили бы в одного из «подёнщиков от искусства», которые всю жизнь скрываются в тени авторитетов, ловя с их стола подачки. Не потому, что не умеют, а из за отчаянной неуверенности в своих силах.

Это не моё фото напечатали на обложке журнала, а «работу Орловича», и её напечатали бы там всё равно, будь там хоть лошадиная задница. В этой вывихнутой картине мира нет места таланту. Есть только случайность и блат.

А чтобы вывих сросся с сознанием и прижился в нём, сейчас будут пряники. Пилюлю обязательно надо подсластить, чтобы закрепить правильное поведение и в корне пресечь неправильное. Чтобы жертва не только не возмущалась, но и искренне прониклась всей душой к грабителям. Для хороших людей ведь ничего не жалко.

Два солидных взрослых мужика в галстуках прессуют тощего подростка. И несмотря на свой официальный вид, больше всего они мне напоминают сейчас базарных «разводил».

– Ты ведь понимаешь, как много для начинающего фотографа означает признание в профессиональной среде, – продолжает Молчанов. – Твою работу заметили, выделили. Если проявишь себя с положительной стороны, то и другие снимки будут появляться. На разных уровнях. Если осознаёшь ответственность. А Афанасий Сергеевич, безусловно, это оценит. Для тебя это шанс! Надо за него держаться. А чьё имя стоит под фото, так ли это важно. Главное, ты это знаешь, и Орлович знает.

– Орлович, это величина! Глыба! – вторит Комаров, – тебе за счастье, что он над тобой, сопляком, можно сказать, шефство взял. Тебе у него многому можно поучиться!

– Чему, – не выдерживаю, – как чужие снимки тырить? Вот только как профессиональное сообщество отнесётся к тому, что Орлович воровством занимается?

– Профессиональное сообщество в это не поверит, – говорит Комаров с намёком. – Доказательств у тебя нет.

Судя по тому, что Молчанов не вмешивается, он уже знает про плёнки. Комаров от начальства такие вещи скрывать не будет. Слишком труслив.

– У меня есть модель, которая в глаза вашего Орловича не видела, и Степан Дмитриевич, фотограф, с которым мы вместе негативы проверяли.

– Кто их слушать будет? – смеётся Комаров, – ты их что, по домам поведёшь и станешь всем показывать? Посмотрите на бедняжку, у него фотографии украли! Ты, и Орлович?! Сам подумай, кому из вас двоих поверят?

– А как на это посмотрят правоохранительные органы? – закусываюсь я, – Там свидетельские показания фиксировать приучены. А у вас, товарищ Комаров, прямое соучастие. Плёнки-то вы у меня забирали.

– Да как ты смеешь?! – закипает Комаров.

– Оставьте-ка нас наедине, Павел Викентич, – просит Молчанов.

Комаров выходит тихо как мышь. Сидел человек за столом, и вот уже нет его. Кажется, даже воздух не шевельнулся с его исчезновением.

– Ты понимаешь Алик, что такое отношение тебя ни к чему не приведёт? – говорит Молчанов. – Ты можешь всю жизнь положить, доказывая свою правоту. Не работать, не творить, а обвинять, доказывать и сутяжничать. И тебя будут знать не как фотографа, а как склочника. Как от чумного от тебя сторониться. Нужна тебе такая репутация?

– Сдаться предлагаете? – усмехаюсь, – «У сильного всегда бессильный виноват»?

– Зачем сдаться? – Молчанов, кажется, говорит вполне искренне. – Ты молодой, у тебя все успехи ещё впереди. Тебя заметили, оценили. Это уже хорошо. Надо просто подождать, сами всё предложат и сами всё дадут!

Вот уж не ожидал от первого секретаря такой фразы. А ещё я сейчас понимаю, как мы с ним отличаемся. Он, хоть и сосланный в глухомань, трясётся за своё место. Мне же в сущности терять нечего. Место в газете? Так это он мне его навязал.

Если что, плюну да уеду в Телепень, у меня теперь там связи. Или в Кадышев. Да весь мир как открытая книга, когда тебе семнадцать и руки из правильного места растут.

– А вам много чего дали, Сергей Владимирович? – говорю.

– Что?! – Молчанов вскидывает брови, не ожидая таких слов от вчерашнего школьника.

– Те, кто вас сюда задвинул, много вам чего дали? – повторяю, – надеетесь, что если будете слушаться и не отсвечивать, то про вас вспомнят и позовут обратно? Ошибаетесь. А мне не хочется повторять ваших ошибок.

– Да как ты смеешь?! – Молчанов начинает орать, даже раньше, чем успевает осмыслить мои слова.

– Повторяетесь, Сергей Владимирович.

Я зачем-то ерошу сам себе волосы, отчего они встают непослушным чубом и не прощаясь иду к выходу.

У секретарши лицо совершенно обалдевшее, и я сразу понимаю – подслушивала.

Выйдя из райкома на жаркую улицу, я направляюсь напрямиком к одноэтажному, барачного типа зданию с синей крышей и вывеской «Почта. Телефон. Телеграф». Первая его ипостась сохранилась до начала двухтысячных. Помню, как ребёнком я разглядывал там словно диковину гашёные наборы почтовых марок. А сейчас мне нужна другая часть этого тройного названия.

Внутри помещение узкое и вытянутое. Если повернуть направо, то упрёшься в прилавок, за которым можно купить конверты, получить посылки и отправить телеграммы. «Грузите апельсины в бочках тчк» вспоминается классика.

Слева ещё один прилавок с круглолицей и чем-то недовольной женщиной за ним, скамья для ожидания, две кабинки междугородней телефонной связи, а рядом с ними висящий на стене междугородний телефон-автомат. Из фильмов помню, что он поедает пятнадцатикопеечные монеты, поэтому получаю их в обмен на купюру в три рубля целых двадцать штук.

Номер запомнить несложно, в Белоколодецке в те времена они были длиной всего в пять цифр, а код с тех пор не изменился.

– Алло... алло... – голос пробивается через треск и поме-

хи, словно абонент находится в другом полушарии.

Слышно, как на той стороне трубки на заднем фоне грохочет музыка и ржут сразу несколько голосов.

– Кэт, это Алик, фотограф! – говорю, – привет!

– Да заткнитесь уже! – орёт Кэт, и музыка становится тише, – Алло, кто это? Вас не слышно!

– А-лик! – кричу в трубку под неодобрительным взглядом женщины, поменявшей мне монетки. – Фото-граф!

– Привет, Алик, – отвечает Кэт, – чего звонишь?

– Помнишь, ты хотела фотосессию? – говорю, – завтра я неподалёку буду. Давай встретимся, договоримся?

Глава 5

– Кто звонил?

Кэт обернулась. В проёме двери ведущей в комнату стоял Джон. Рубаха расстёгнута на три пуговицы, на шее болтается какой-то пижонский «индейский» амулет.

За спиной Джона вкрадчиво клеил кого-то Джим Моррисон:

*Давай детка, зажги мой огонь
Наполни эту ночь огнём.*

Джинсы новые, за них Джон до сих пор должен ей сто двадцать рублей. Вспомнив о джинсах, Кэт едва заметно улыбнулась.

Джон это заметил. На лице у него была приклеена легкомысленная ухмылка, но глазами он впился в девушку.

– Никто, – ответила она.

– И ты говорила с никем?

Ревнует, подумала Кэт. Как можно одновременно волокаться за каждой юбкой, даже если эта «юбка» будет в модных клёшах, и ревновать, Кэт не понимала. Она закатывала Джону истерики, следила за ним и раз за разом ловила, но непонятным образом потом прощала.

Той же сучке Ирине, шлюхе-клофелиннице, она чуть

не выцарапала глаза. А сейчас что-то изменилось в ней. Устала. Надоело.

– Угу, – Кэт кивнула, – С никем.

– Ну и как, интересно было? – Джон опёрся рукой о стену, нависая над ней.

Когда-то от этой позы у неё перехватывало дыхание, и слабели колени. Он казался таким сильным, ярким, интересным. Героем и бунтарём. Сейчас он бесил.

– Отец звонил, – зачем-то соврала она. – Доволен?

– Чего хотел? – Джон заметно расслабился.

– Чтобы ты скорей свалил из моей жизни.

Джон засмеялся и потянулся к ней губами, но она оттолкнула его и пошла обратно в комнату, ныряя в табачный дым как в трясину.

* * *

В журнальном мире дело обстоит так. Одним платят больше, другим меньше. Одних готовы печатать в любое время дня и ночи, другие ждут публикаций месяцами, подсовывая свои снимки ассистентам, секретаршам и разве что не уборщицам, чтобы их работы оказались перед глазами у тех, кто принимает решения.

Сначала ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя. Прописная истина, которая от этого не становится менее справедливой.

И всегда найдутся ребята, которые хотят заработать здесь и сейчас. Им плевать на славу им неохота карабкаться на Олимп шаг за шагом. Зачем это делать, если можно продать свою работу кому-то из успешных? Тот заработает на ней в два, в пять, в двадцать раз больше!

Какая разница, платят ведь за имя, за славу, а не за то, что ты сделал на самом деле.

«Ты получишь за этот снимок сто баксов, а я десять кусков», – говорили мне старые козлы с седыми яйцами, которым было лень вылезать из баров с кондиционерами на палашую жару, в которой иногда стреляли.

«Забирай себе тысячу, только не обоссись от счастья. И помни, тебе повезло оказаться в нужном месте в нужное время и тупо нажать на спуск». – говорили они, звеня кубиками льда в «отвёртке» или в «чёрном русском».

Я их посылал всегда. Когда-то вежливо, с уважением. Когда-то прямо, люблюсь изумлением на заслуженных рожках. Никогда не знаешь наверняка, получит награду «имя» или прямые руки. Никогда не знаешь, пока не попробуешь.

Молчанова я не послал, это было бы глупым мальчишеством. Он в этой ситуации ничего не решал, и судя по тому, как сильно поменялось его мнение со времени первого разговора, на самого первого секретаря надавили. Лично ему в успехе Орловича нет никакой пользы, так что инициатива исходит сверху.

Так что толку от него теперь для никакого. Он в этом

уравнении фигура лишняя. Следующим в цепочке заинтересованных лиц стоит Владлен Игнатов, человек из обкома с лицом грустного верблюда. Ему Молчанов отдал мои фото, он тесно общался с Орловичем, и по всему выходит, что Игнатов мне не друг.

Что касается моих безусловных козырей, то они оказываются с изъяном.

– Алик, а может без разницы, чья там подпись под фотографией? – говорит при встрече Лидка, – вдруг из за этой ошибки фото с конкурса снимут?

– Как, какая разница? – удивляюсь, – это же я тебя фотографировал. На мостушке.

– Ну жалко тебе, что ли? – надувает губы она, – ты ещё наснимаешь таких фоток сколько угодно. У тебя руки золотые. А для меня это шанс!

– На что шанс? – мне становится смешно.

– На славу! – заявляет Лидка.

– Твой шанс на славу, это я – объясняю ей, – так что слушай меня.

Она склоняет голову, но в этом движении чувствуется упрямство. Если на Лидку хорошенько надавить, то она и Орловича вспомнит, и как он её фотографировал. Такой себе свидетель.

Митрич предлагает Орловича пристрелить. Так вот, без долгих вариантов. Возбуждается он при этом до крайности, топорщит усы и притаскивает из глубины лаборатории

завёрнутый в тряпицу трофейный «парабеллум».

– Я, Алик, своё уже пожил, – заявляет он, – на этом свете уже ничего не боюсь. А таких гнид нельзя, чтоб земля носила. Неправильно это.

С трудом убеждаю Митрича, что гибель Орловича никак не поможет мне восстановить авторство, и даже скорее наоборот сделает плагиатчика посмертным героем и сработает на его популярность.

В мирные и благополучные варианты разрешения конфликта Митрич не верит.

– Они там как гидра, – говорит старый фотограф, – одну башку снесёшь, десять вырастет. Они там срослись друг с другом вот так! – он сцепляет пальцы, словно крючки, – За своих держатся и никого не выдадут.

Он рассказывает, как в одной из соседних областей его знакомого, тоже ветерана выперли из фотоателье, за то, что дал в морду хамоватому директору «Дома Быта».

Знакомому объявили бойкот. Его не брали на работу нигде, даже на завод в отдел кадров, фотографировать сотрудников на пропуска. Финал истории был печальным, герой стал грузчиком, спился и утонул по-пьяному делу.

– Я не пью, – говорю.

Митрич смотрит на меня, как на несмышлёныша.

– Проще пристрелить, чем правды у них добиться, – вздыхает он. – Я, конечно, полностью на твоей стороне. Но мне тебя же, Алик, жалко. Лучше, плюнуть, растереть и жить

дальше.

Вот с такими весёлыми напутствиями я собираюсь в Белоколодец. Но сначала захожу в больницу, причём, сразу к главврачу Мельнику.

– Сбежал, значит, – констатирует он.

– Исключительно на встречу с товарищем Молчановым, – говорю, – можете у него поинтересоваться.

– Поинтересовался уже, – кивает главврач, – ну и что мне с тобой, беглецом, делать?

– Лечить, – предлагаю, – держать меня в больнице нет никакого смысла. Я только место занимаю. Обязуюсь дома соблюдать режим и выполнять все предписания врача.

– Балабол, – говорит он, но без особого осуждения. – Дуй на перевязку, а оттуда в регистратуру. Больничный открыть.

За этим я, собственно и пришёл. Я теперь человек трудящийся, и чтобы отсутствовать на рабочем месте мне требуется законное основание. Да и за раной присмотр нужен, я ведь не герой боевика, на котором всё зарастает, как на собаке.

– А можно мне побольше бинта накрутить? – прошу на перевязке, – чтоб заметнее было.

– Зачем тебе? – спрашивает медсестра.

Я своим вопросом словно пробуждаю её из полусна. Все свои действия она совершает абсолютно механически, словно заматывает мумию, чтобы положить в пирамиду. И вдруг такая живая реакция.

– Хочу перед девушкой похвастаться, – отвечаю, – девушки любят героев. А так под рубашкой и незаметно почти.

– Давай, я тебе ещё руку замотаю? – предлагает она хихикая.

– А можно? – радуюсь.

– Мне бинта не жалко.

Она наматывает мне бинт на руку, а потом, войдя во вкус, окропляет его йодом, оставляя пугающе бурые пятна.

– Ну что, пойдёт? Герой!?

– Спасибо! – восхищаюсь я, – с такой перевязкой она обязана за меня замуж выйти!

Медсестра хохочет. Я определённо сделал её день.

* * *

На чувства встречных девушек мне наплевать. Точнее не так, они, конечно, меня интересуют, но произвести впечатление я могу не только перебинтованной рукой.

А вот на пассажиров электрички до Белоколодецка мои выставленные напоказ травмы действуют правильно. Так что еду я все пять часов, сидя у окошка с верным рюкзаком на коленях. Забинтованные рёбра напоказ не выставишь, а простоять столько времени в давке я бы не смог. Рухнул бы где-то на полпути, но так и держался бы в вертикальном состоянии сжатый телами других пассажиров. Фуххх! Жуткая картина.

С рюкзаком тоже всё вышло непросто. Затаивший обиду Грибов решил мне назло его не отдавать, ссылаясь, что это вещественное доказательство. Пришлось натравить на него Подосинкину. Ей я наврал, что в рюкзаке лежат негативы съёмки с детьми и поросятами.

Натиска разъяренной блондинки капитан не выдержал и выдал мне рюкзак вместе с аппаратурой. Самое ценное – кассеты со свадебной съёмкой, я тут же отволок к Митричу. Можно сколько угодно ссылаться на форс-мажоры, но сделать снимки вовремя в моих интересах. Я рассчитываю пустить свадебный бизнес на поток, а для этого нужно работать как швейцарские часы.

Электричка даёт мне время подумать. Отступать я не собираюсь. Ну вот просто не такой я человек. Вполне могу понять того, кто согласится «разменять» свою работу на покровительство известного человека. Особенно если торговаться хорошо и если «плюшек» отсыпят щедро.

Но покровитель у меня в таком случае будет – говно. И это из него вылезет не раз и не два. Люди искусства – они существа цельные. Прокатились на тебе раз, так и будут запрягать по любому поводу.

Как там, «один раз не...»? Хрен вам с маслом по всей физиономии.

Жизненный опыт подсказывает мне, что не бывает дверей, закрытых наглухо. Всегда найдётся щель, в которую можно вставить ботинок. А дальше зайти внутрь, уже дело

техники.

В этой ситуации щель просматривается в двух местах. Кэт знает Владлена Игнатова, более того, они дружат семьями. Через неё можно узнать об этом таинственном товарище больше. В чём его интерес? Что связывает их с Орловичем? Какие обстоятельства могут заставить ответственного работника отступить?

Вторая щель проскользнула в оговорке Джона, что Кэт может выставляться без проблем, и это не зависит от её талантов. Тут ещё одна лазейка в то самое «профессиональное сообщество».

Будет ли сообщество радо возвышению Орловича? Зная подобные коллективы – нет. Любые коллективы творцов – это «клубок друзей», которые душат друг друга в объёмах.

Школьника из Мухосранска с его доказательствами не послушают. А кого послушают? Такой человек точно есть, надо только его найти. Найти быстро, до подведения итогов конкурса остаётся три недели.

* * *

– Разбогател? – Кэт кивает на отъезжающее такси.

– Бедность не порок, а большое свинство, – цитирую классика.

Только сейчас она замечает мои бинты. Как любая жен-

щина, Кэт способна испытывать целый спектр эмоций разом. В данном случае это некая смесь сочувствия и разочарования.

– Производственная травма? – интересуется она.

– Да, говорю – палец рычагом перемотки прищемил.

На Кэт простое прямое платье без талии в стиле Джейн Биркин, сандали на высокой платформе, длинные волосы уложены волосок к волоску и, кажется, залиты лаком. В этом непривычном и чужом наряде она выглядит забавно и сама об этом догадывается.

Понимаю, что она уже сегодня собралась фотографироваться, словно для этого просто достаточно красиво встать и замереть. Девочка привыкла, что ей ни в чём не отказывают, ни папа с мамой, ни друзья-приятели.

– Так дела не делаются, – качаю головой, – мы же договорились сначала всё обсудить.

– Не будь занудой, – фыркает Кэт, – тебе и надо-то просто на кнопку нажать. Тут вся работа на мне!

– И в чём твоя работа? – терпеливо даю ей порезвиться.

– Быть красивой!

Она замирает в картинной позе девушки с обложки... ну пускай не журнала «Работница», у Кэт есть доступ и к более прогрессивной полиграфии. Девушки с рекламы сигарет «Салем».

Я всем своим видом напускаю на себя строгость. Пускай повыпрашивает. Кэт эта игра нравится. Я предпола-

гал, что снимать придётся сразу, так что прихватил с собой несколько плёнок.

– Точно хочешь фотографироваться?

– Да!

– Тогда...

Разворачиваюсь к ней и ерошу её причёску.

– Ты что делаешь?! – вскрикивает она. – Два часа укладки!

– С ней ты выглядела чудовищно, – говорю. – У меня объектив бы от такого треснул.

Мы встречаемся у Центрального городского пляжа. Даже в будни он забит народом. Мужчины и женщины всех возрастов лежат плотно, словно шпроты в банке, а между них носятся с визгом счастливые дети.

Реку в черте города перегородили плотиной для каких-то хозяйственных нужд, и она разлилась подобно озеру. К июлю вода зацветёт, заполняясь мелкими и противными водорослями, но сейчас выглядит ещё прилично.

Прямо перед нами приземистый корпус прибрежного ресторана с гордым названием «Крейсер». Открытая веранда действительно немного напоминает палубу. Справа от него располагается яхт-клуб. Путь перегорожен ржавым шлагбаумом с висящим на нём знаком «Въезд воспрещён».

Мы с Кэт перешагиваем через него и идём по хорошо накатанному просёлку.

– Нас не турнут? – уточняю.

– Мы с отцом тут каждые выходные катаемся, – машет ладошкой Кэт, – не переживай.

Дорожка неожиданно выныривает к небольшой пристани. Возле деревянного пирса качаются яхты. Немного, всего восемь штук. Не Черноморское побережье, конечно, но выглядят симпатично. Белые корпуса с тщательно нарисованными синими цифрами, тонкие, уходящие в небо мачты. Чувствую, как внутри начинают шевелиться идеи.

Сегодня я не планировал ничего серьёзного, рассчитывая просто «пристреляться», а заодно зацепить Кэт на крючок любопытства. Но мозг любого художника работает отдельно от тела в каком-то особом автономном режиме. Он сам создаёт образы, которые требуют воплощения.

«Пограничный Господь стучит ко мне в дверь», – пел про это Гребенщиков. Нет, ещё не пел, споёт года через четыре, хотя возможно уже сочинил.

Стройная и худая фигура Кэт покачивается при ходьбе как мачты.

– Разувайся, – говорю.

– А тебе не больно? – спрашивает она с фальшивым сочувствием.

Ей очень хочется, чтобы я сказал «не больно».

– Мне нормально, – вынимаю из рюкзака камеру. – Разувайся.

– А давай, я встану вот так...

– Кэт, – говорю, – давай ты посмотришь, что сегодня по-

лучится. А на следующей съёмке сама решишь, командовать или слушаться.

Бинты немного мешают настройке, но не критично. Хорошо, что замотана левая рука.

У Кэт большие ступни и она этого немного стесняется. Глупая, это придаёт её фигуре ту самую ранимую, чуть детскую неуклюжесть, от которой мир моды млел все семидесятые.

Сам я предпочитаю другой типаж, более спортивный и позитивный, но в кадре Кэт очень хороша. Она идёт по неровным, чуть выщербленным доскам пирса. Гротескно высокая и тонкая фигура на фоне рвущихся к небу мачт.

– Голову вниз... коснись рукой борта... подними подбородок... Это платье тебя уродует, – злюсь я.

Кэт словно ждёт этой фразы. Она разворачивается и стягивает платье через голову, оставаясь в крохотном купальнике. Только трусики и лифчик чёрного цвета. Явно забугорного происхождения. Модельера любого советского швейного предприятия за такое изделие сняли бы с работы, предварительно выгнав из партии.

Грудь у Кэт небольшая, бёдра узковаты, зато сами ноги длиннющие и безупречной формы.

– Так лучше? – хлопает она ресницами.

– Вот ты где! – доносится со стороны тропинки, – а я то тебя везде ищу. Ты, вроде с отцом собиралась встречаться?

Сначала мне кажется, что это всё подстава. Пришлют сей-

час какую-нибудь аморалку с полуголой девицей, и баста. Не рыпайся, Алик. Но тут я понимаю, что это всего лишь Джон.

Кэт подходит ко мне, расслабленно, словно напоказ, и когда оказывается рядом, впивается в мои губы поцелуем.

Глава 6

Всё-таки подстава, но другого характера. Сразу становится понятна и настойчивость Кэт, и лёгкость с которой она сняла платье. Везёт тебе, Алик, на приключения.

– Где же твой отец? – Джон дурашливо оглядывается, – Пётр Михайлович, где же вы?

– А он ушёл, – мурлычет Кэт, не отлипая от меня, – нам без него интереснее.

Джон уже издали начинает махать руками, накручивая себя для ссоры. В нормальном состоянии, он бы меня не волновал. Опыт показывает, что вломить ему я смогу и один на один. Но сейчас я, мягко говоря, не в форме. И это уже настоящая подстава.

– Так ты что, его уже познакомила со своим новым приятелем? – Джон тычет в мою сторону пальцем. – Он в восторге?

– Завидуешь? – Кэт разворачивается во всей своей красе, – тебя-то он и на порог не пускает.

– Где уж там! – кривляется парень, – любой сраный навозник лучше меня будет. Нашла себе пару по достоинству!

Заметно, что в этой ситуации они ругаются друг с другом, но оба пытаются сделать крайним меня. Для Джона я – коварный соблазнитель, который мешает их идиллии, для Кэт – повод заставить парня поревновать. И там, и там

статист.

Но каков мудака. Видит мою перевязанную руку, и понимает, что на обострение я не пойду. Вот и режется. Ну ничего, я умею делать больно и по-другому.

– Джон, – говорю, – может, я чего не так понял, может тут любовь-морковь у вас. Я с Кэт решил замутить, потому что решил, что она свободная.

– С чего это? – удивляется Кэт.

Для той сам факт, что мы решили «замутить» в новинку. Она только Джона позлить хотела, и моя инициатива ей удивительна. Постою декорацией, пока они эмоции выплеснут, а потом уйдут под ручку.

– Ну нельзя же двух девушек разом ревновать, – развожу руками, – за двоими бегать – надвое порвёшься.

– Врёшь! – кричит Джон, так что жила на шее надувается.

– Это ты про кого? – с Кэт разом слетает вальяжность, – про эту белобрысую сучку?!

– Да она только подвезла этого колхозника! – выкручивается Джон, – Он сам к ней липнуть стал.

– Прости, чувак, – говорю, – я тогда и подумал, что вы с Кэт просто приятели, и она за тебя, дурака тревожится, чтобы ты во всякий криминал не лез.

– Мы случайно встретились!

– И ключи от её флэта у тебя тоже случайно оказались? – добиваю я Джона.

До раньше я молчал об этом из какой-то глупой мужской

солидарности. Ну, совершил человек ошибку, сделал из неё выводы – с кем не бывает. Но Джон, похоже, случай необучаемый.

– Врёшь! – повторяется он.

– Кэт, у него после той встречи, когда я кассеты вернул, шишка на голове была? – спрашиваю, – слева, примерно над глазом?

– Была, – кивает она, – он говорил, что на лестнице споткнулся.

– Это я его. Пепельницей. Тяжёлой такой, стеклянной, – говорю, – блондинка отравила, а этот пришёл обобрать. Сомневаюсь, что ты была у неё дома, но она на журнальном столике стояла.

– Была, – отвечает Кэт, при этом не сводя взгляда с Джона, – стояла.

– Да он звиздит, как Троцки й!

– Уходи, – устало говорит Кэт, – просто уйди отсюда, не могу тебя видеть.

– Ты... – Джон сгребает в кулак воротник моей рубашки, – я тебя, размажу...

– Кэт, поддержи камеру, – прошу, – казённая вещь, жалко.

– Джон, прекрати! – уже злится девушка, – я сказала тебе, уходи!

Джон бьёт первым. Подло, снизу левой в корпус. Меня скручивает от боли, но рванувшись, ярываю дистанцию. Второй удар, по-колхозному размашистый проходит

мимо.

– Не смей! – кричит Кэт, но её никто не слушает.

Да что ж такое, прямо дежавю. Второй раз меня ревнивые кавалеры побить пытаются. Только бы Кэт между нами не лезла. Хотя дела и так хреново.

От резкого рывка и удара ноги становятся ватными, а во рту появляется мерзкий металлический привкус. Ударив, он открывается. Я пытаюсь пробить в голову, но от боли в боку меня скручивает почти пополам. Джон чувствует слабинку и снова пробивает в корпус. Сука, он ведь так забить меня может! Откроется кровотечение, и кранты.

И возле пирса никого нет. Мелькал до этого вдалеке какой-то мужик в тельняшке, а сейчас скрылся. Только бы Кэт догадалась помощь позвать, а не металась бы...

Бах!

Что-то непонятное мелькает в поле зрения, а Джон резко теряет наступательный пыл.

Бах!

Ему по плечу прилетает веслом! Узкое и длинное с поперечной рукояткой на конце, видимо, оно лежало в одной из шлюпок. А сейчас находится в руках у Кэт.

– Больно! – орёт Джон. – Ты озверела?!

– Иди нахер! – отвечает та, – иначе убью, честное слово, зашибу.

В купальнике и с веслом она выглядит настоящей валькирией. Вот с кого надо ваять статуи в парках, думаю, а не

с вульгарно упитанных особ, благодаря которым «девушки с веслом» прославились по всему Советскому Союзу.

Девушка с веслом. Скульптор Ромуальд Иодко.

– Кэт, – пятится назад, Джон, – Котёнок... это же я... неужели ты меня, из за этого...

– Всё! Кончено! – отрывисто говорит Кэт, – Скотина.

Умею я наживать друзей, нечего сказать. Вот ещё один «кровник» появился.

– Я тебя найду! – оправдывает полностью мои ожидания Джон, – ты ещё пожалеешь!

Он разворачивается и скрывается за деревьями.

– Стой, – говорю, – вот так стой, где стоишь, и не двигайся.

– Что? – не понимает она.

– Не двигайся, – я беру с упругого бока шлюпки камеру, и делаю снимок, – теперь на песок его поставь, а сама вдаль смотри... подбородок выше...

– Псих! – поражается она, – он же тебя чуть не избил сейчас. У тебя есть время о фотографии думать?

– О ней всегда есть время думать, – отвечаю, – зато ты теперь – настоящая. Не зажимаешься и не стесняешься. Спорим, ты себя на этих фотографиях не узнаешь.

– Спорим! – она кладёт весло и протягивает мне узкую ладонь. – Я, честно говоря, не думала, что из этого что-то получится.

– Из чего? – уточняю.

– Из фотосессии, – она садится на борт шлюпки, вытягивая ноги вперёд и по-детски зарываясь в песок босыми пальцами, – Просто хотела Джона позлить.

– У тебя получилось, – я сажусь рядом, – прям, по-полной получилось. Ты молодец.

– Извини, – говорит она без особой вины в голосе. – Не думала, что он так далеко зайдёт. Вообще-то, он трусоват.

– Трусливые, – говорю, – самые опасные. Потому что боются, что их трусость будет заметна.

– А у него... правда? – она мнётся, – ну то, что ты сказал про ключи?

– Правда, – киваю, – твой Джон вместе с этой Ириной меня хотели отравить и ограбить. И, судя по всему, это дело у них организовано на потоке. Может, они и не любовники. Но совершенно точно – сообщники, подельники. Он преступник, Кэт.

Говорю так нарочно. Часто, ревность притягивает друг к другу даже сильнее, чем любовь. Гораздо проще бросить мудака, чем уступить другой, стерве-разлучнице.

– Почему не заявил тогда? – спрашивает она.

– Если б заявил, то точно у тебя свои кассеты не получил бы, – отшучиваюсь.

– Мы с Джоном в одном классе учились, – глядя на реку, рассказывает Кэт, – за ним все девчонки бегали. Он на гитаре играл, курил в туалете. А он выбрал меня, тихоню и от-

личницу.

Чувствуется, что у неё уходит стресс, и ей сейчас просто необходимо выговориться. Поэтому молчу и не говорю ничего, просто слушаю. Хотя мне хорошо понятно, почему её выбрали. Из за родителей, конечно. Леди и Бродяга, блин.

– Я и фарцевать стала из за него, наверное, – продолжает она, – чтобы деньги были, и чтобы он ни во что не вляпался. В совсем плохое.

Сколько раз в жизни я слышал подобные истории и участвовал в подобных разговорах. Поначалу я давал советы. Потом просто сочувствовал. Напоследок пытался даже спорить.

Это всё бесполезно. Люди живут свои жизни и совершают свои ошибки. А в подобные минуты они просто ищут повод, чтобы обвинить другого в собственных поступках. Скажи я, что Джон плохой, и ему найдётся десяток оправданий. Скажи, что хороший и окажусь виноват во всех бедах, прошлых и будущих.

– Убери рукой волосы, – говорю, поднимая камеру, – замри... Готово.

– Ты можешь думать о чём-то, кроме фотографии? – сердится Кэт.

– Зачем? – пожимаю плечами, – я фотограф. Когда знаешь, кто ты – жить намного проще.

– И как ты это узнал? – спрашивает девушка.

– Просто никем другим я быть не хочу.

– А вот я не знаю, кто я, – вздыхает Кэт.

– Ты же рисуешь, – удивляюсь я.

– Я не знаю, хорошо я рисую, или нет.

– Как это? А что другие говорят?

– Говорят, что я гений, – она криво усмехается, – и что с такой наследственностью странно, если бы было по-другому. Я даже в школе на ИЗО рисунки приносила, а мне говорили: «Катенька, тебе папа помогал, да?!».

– И кто у нас папа? – интересуюсь.

– Ты правда не знаешь?! – она распахивает глаза.

– Забыла, как мы познакомились? – говорю, – я когда твои кассеты от ментов по кустам ныкал, как раз интересовался, «кто же папа этой девушки, чью прекрасную попу я сейчас спасаю».

– Пётр Грищук мой папа, – говорит она, – слышал про такого.

– Это который «Битлов» слепил?! – поражаюсь, – да ладно?!

«Битлами» называют скульптуру в центре Белоколодецка, на которой угрюмые музыканты в шинелях с одинаковыми, рублеными лицами дуют в чугунные трубы, а один держит большой барабан.

Чей-то зоркий глаз подметил в композиции сходство с обложкой альбома «Оркестр клуба одиноких сердец Сержанта Пеппера». Особенно когда однажды, под покровом ночи кто-то вывел на барабане крамольную надпись «The Beatles». Буквы моментально закрасили, но история пошла в народ,

и скульптуру иначе не называли.

«Встретиться у Битлов» было для Белоколодеца тем же, что в Москве возле Пушкина. Культовое место. Грищук был мастером монументальной скульптуры, особо ценимой и уважаемой в Советское время. Он ваял сталеваров и колхозников, стеллы и барельефы и без куска хлеба точно не сидел.

Теперь понятно, откуда у Кэт такой стойкий комплекс неполноценности. Дочку самого Грищука с детских лет в попу целуют. Не зря Джон сказал, что с таким папой можно хоть домик с трубой и дымом нарисовать, и тебя выставят. Ну, насчёт домика, я, пожалуй, преувеличил, но бонус у Кэт изрядный.

Мне бы с её папой лично познакомиться. Ткнулся наугад, а вытащил почти джек-пот. Он точно должен знать Орлови-ча, а также всех его друзей и недругов. Весь круг общения.

– Я могу сказать, есть у тебя талант или нет, – говорю невозмутимо.

– Ты в этом не разбираешься, – отмахивается она.

– В картинах да, не очень, – признаюсь, – а вот в фотографии разбираюсь. Хочешь попробовать?

Протягиваю ей камеру. Кэт берёт её в руки с аккуратным любопытством.

– У меня не получится, – она прикусывает губу, – тут всё слишком сложное.

– Ты художница, – говорю, – значит, уже всё знаешь. А про настройки я тебе сейчас объясню. Там ничего сложного. Что ты хочешь снять?

– Тебя, – она поднимает камеру и наводит на моё лицо.

– Меня рано, – говорю, – я не могу учить и позировать одновременно.

Кэт поворачивает камеру в разные стороны, рассматривая мир в объектив. В очередной раз удивляюсь, как девушкам идут фотоаппараты. Жаль что я не могу заснять её в этот момент.

– Вот ту лодку, – решает Кэт, – она такая печальная...

На песке лежит вытащенная на берег перевернутая кверху килем шляпка, а на ней сидят две большие чайки.

– В фото главное – освещение, – объясняю я. Сначала измеряем его вот этой штукой, – я направляю экспонометр, – Он даёт нам экспо-пары. То есть выдержку и диафрагму, при которых освещение будет нормальным.

– А зачем несколько? – начав нехотя, Кэт всё больше увлекается происходящим, – почему не дать одну пару?

Не зря говорят, лучший способ сблизиться с девушкой, это научить её чему-нибудь. Никакие рестораны или походы в кино не сравнятся с уроком вождения автомобиля или совместной практикой игры на бильярде. Правда, в двадцать первом веке большинство девушек уже умеют водить машину, но ведь есть ещё яхты и самолёты.

Получив новую игрушку, Кэт забывает и про Джона, и про

отца, и про собственные комплексы.

«Выдержка» – это время срабатывания затвора, – объясняю ей основы, – Если она будет слишком долгой, а наша натура станет двигаться, то фото будет смазанным. Поэтому в фотоателье и говорят «замрите».

– Так сделай короткую, – командует она.

– Всё не так просто, вот смотри, – я выкручиваю диафрагму на минимальные показатели, – диафрагма, это дырка через которую поступает свет. Чем больше дырка, тем меньше цифра. Вот сейчас объектив открыт полностью. Направляй его на свою лодку и подкручивай, чтобы навести на резкость.

– Не могу, – сообщает Кэт, – одну чайку поймала, вторая уже расплывается.

– Это называется «глубина резкости», – говорю, – теперь ставь цифру побольше.

– Вот, поймала! – радуется Кэт, – фон весь расплывается, а лодка чёткая. Прямо импрессионизм какой-то!

– Выдержку ставь, которая в паре и снимай, – говорю. – а то улетит твоя «натура».

Так мы общими усилиями запечатлеваем старую сосну, несколько яхт и вышедшего из деревьев толстого полосатого кота. На того уходит добрая половина плёнки.

– Теперь ты вставай, – требует Кэт, – я тебе позировала, теперь твоя очередь.

– Ладно, – встаю нехотя. – Хотя я не люблю себя в кадре, но для тебя сделаю исключения.

– Стой, – девушка опускает камеру, – это у тебя что?!

Сбоку на рубашке проступает кровавое пятно. Расстёгиваю пуговицы и вижу, что бинт пропитался насквозь.

– Идём, – говорит Кэт, – быстро!

Возле «Крейсера» дежурит несколько такси. Кэт кидается к первой стоящей машине и быстро договаривается с водителем.

– Давай доедем до аптеки, – спорю с ней я, – просто бинты купим. Там ничего страшного.

– Это всё из за меня, – повторяет Кэт, – всё из за меня. Какая я дура!

Такси останавливается у поликлиники. Мы проходим внутрь, минуя регистратуру. На мои вялые попытки сопротивления Кэт не реагирует. Она тащит меня через толпу пенсионеров, мамаш со справками в пионерлагеря и работают с листами профосмотра, как ледокол баржу среди айсбергов.

У кабинета с надписью «М. Д. Силантьева, зам. гл. врача», она коротко стучит в дверь и тут же заходит внутрь.

– Катя? – темноволосая женщина с тонкими чертами лица отрывается от стопки медицинских карт, – Что случилось? Я, вообще-то, занята...

– Вот, – Кэт подталкивает меня вперёд.

Женщина хмурится и недовольно откладывает бумаги.

– Что у вас там?

Вместо ответа, молча расстёгиваю рубашку. М. Д. Силантьева подходит ко входной двери и защёлкивает её на ключ.

– Раздевайтесь.

– Совсем?

– До пояса.

Она срезает ножницами бинты, и я стискиваю зубы, когда подсохшая кровь отрывается от кожи. Шов выглядит неважно, распух и сочится сукровицей.

– Какой коновал вас штопал, молодой человек? – спрашивает врач.

– Не могу сказать, – отвечаю, – был в этот момент без сознания. Так что лично не знаком.

– Ждите здесь, – сообщает она, выходя за дверь и повторяя операцию с ключом, только на этот раз уже с другой стороны.

– Ты куда меня привела? – спрашиваю у Кэт.

Находится в запертом кабинете неудобно. Такое чувство, что М.Д. Силантьева лишила меня возможности сбежать и теперь вернётся с милицией.

– Успокойся, – говорит Кэт, – это моя мама.

Уважаемые опытные фотографы. Прошу простить меня за этот небольшой ликбез. Я выяснил, что многие читатели не сталкивались даже с основами, и надеюсь, что теперь для них постижение фотоискусства станет понятнее и интереснее.

Глава 7

– А почему Силантьева, а не Гришук? – нахожу самое умное, что можно спросить в этой ситуации.

– Мама у нас самостоятельная, – сообщает Кэт.

Похоже, эта черта передаётся в семье по женской линии. Интересно, какая фамилия у Кэт по паспорту? Не удивлюсь, если взяла мамину, чтобы «не влияло». Тяжело, наверное, жить в тени собственного отца.

Поговорить мы толком не успеваем. Ключ в двери снова поворачивается, и в кабинет возвращается М. Д. Силантьева. Даже не спросил, как её зовут, бестолочь.

– Катя, – доктор сурово оглядывает мой голый торс, – подожди в коридоре.

К счастью промолчав, Кэт фыркает и выходит за дверь. У зав. главного врача в руках стальной поднос со скальпелями, ножницами, иглами и другими малоприятными вещами.

– Встаньте, молодой человек, – командует она, – и руку приподнимите.

Сразу видно интеллигентного человека. Многие на её месте начали бы «тыкать» просто из расчёта, что они старше и важней. А здесь вежливость, причём не показная. Глубоко въевшаяся привычка – вторая натура.

Кошу глазами вниз, рана выглядит отвратительно. Опухла и подтекает кровью. На другой стороне груди расцветает

свежая гематома. Вид у меня хоть куда. Если приглядеться, то синяки от драки с Копчёным тоже прошли не до конца. Просто какой-то мелкоуголовный тип. Дебошир.

– У вас ножевое ранение, – сообщает мне Силантьева, – Это криминальная травма. Я должна сообщить об этом в милицию.

Теперь я понимаю и закрытую дверь и демонстративное выставление Кэт. Доктор решает, как со мной поступить. По закону она действительно должна сообщать о подобных случаях. Но здесь явно замешана её дочь, и сразу выносить сор из избы будет опрометчиво.

– Простите, – говорю, – не знаю вашего имени-отчества...

– Мария Дмитриевна, – отвечает Силантьева, – вам Катерина не сказала?

– До последнего момента я понятия не имел, куда она меня ведёт, – объясняю. – И кто вы такая, тоже сообщила уже в этом кабинете. И я прошу у вас прощения за беспокойство, Мария Дмитриевна. Сообщать ничего не надо, все уже в курсе и активно ищут преступника. Если сомневаетесь, то можете позвонить в Берёзовскую ЦРБ, товарищу Мельнику. Он, конечно, отругает меня потом, за то что я уехал без разрешения, но мои слова подтвердит.

– Берёзовской? – удивляется она, но уже без прежнего напряжения, – далеко же вас занесло.

– Всех манят огни большого города, – отвечаю.

В глазах доктора Силантьевой беспокойство сменяется

любопытством. На парня из захолустья я непохож. Дорогие импортные джинсы, модная рубаша. Женщины замечают такие вещи, тем более женщины, живущие в достатке.

Марию Силантьеву можно было бы назвать красивой, если бы не тонкие, чересчур сильно сжатые губы и пронзительный взгляд карих глаз, который норовил забраться прямо под кожу. Лицо её было очень подвижным, эмоции постоянно сменяли друг друга.

От этого, казалось, что она подразумевает больше, чем произносит вслух, а в моих словах всё время ищет двойной смысл. Это слегка пугает.

Я думал, что после расспросов, меня отведут в обычный врачебный кабинет, но Мария Дмитриевна твёрдо решила взять дело в свои руки.

– Кто же вас так? – спрашивает она, беря в руки большой шприц.

– Мария Дмитриевна, – говорю, – я правду говорю. Не надо избавляться от свидетеля.

– Смешно, – она смотрит на шприц и позволяет себе улыбку. – Вы случайно не артист?

– Я фотограф, – отвечаю.

– Вот уж не думала, что это опасная профессия, – она кивает на рану. – Неудачно сняли кого-то?

– Ограбить меня пытались, – уступаю ей в словесной дуэли.

– В Берёзове творятся такие страсти, – она ловко, не пре-

кращая говорить, обкалывает мою рану новокаином. – И почему вы стали жертвой? Носите при себе большие ценности?

– Аппаратура у меня не дешёвая, – отвечаю, – но, к счастью, всё уцелело. Ай!

– Терпите. А как вы с Катей познакомились?

Вот ключевой вопрос. Поэтому я удостоился чести оказаться в руках у зам. глав. врача.

Силантьева откладывает шприц, и о дальнейших манипуляциях я могу только догадываться. Бок быстро и полностью немеет, а я с момента появления на сцене колющих предметов упорно смотрю в стену. Не люблю я их.

Ситуация располагает к откровенности. Конечно, она мне не ногти вырывает, анестезия действует отлично. Но всё это позвякивание медицинских инструментов по металлу создаёт атмосферу доверия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.